

МОНАШЕСКИЕ ПОЯСА С КЛЕЙМАМИ И МАТРИЦЫ
ДЛЯ ИХ ТИСЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Александр Курбатов

MONASTIC BELTS WITH STAMPS AND MATRICES
FOR THEIR IMPRESSION IN MEDIEVAL RUS

Alexandr Kurbatov

Abstract: *Impression is among the most complex methods of decoration of leather surface. Two main techniques of leather impression stable for a long time can be referred to – mechanic and thermal treatment. Consideration of information on decorative leather impression in mediaeval Rus, West European countries and Eurasia in general leads to the conclusion that the examples of leather ‘monastic belts’ with stamps and paramands (applications with a cross for monastic clothes) are rare and exceptional among the Old-Russian leather articles in terms of their manufacturing technique. The uncommonness and selectivity of applying the decoration of high quality suggest its production originally in only one or two manufacturing centres. As the 11th to 13th century are concerned, the centre of manufacture of ‘monastic belts’ possibly was situated in one of the Kievan monasteries. The earliest forms of stamps, i.e. the round ones borrowed from Bulgaria, are found only in pre-Mongolian burials in Rus – Kiev, Novgorod, Smolensk and Pereyasavl. As it seems, the techniques of cold and hot impression were adopted in Southern Rus immediately from Byzantine Empire or via Bulgaria.*

Probably, the wider spread of the technique of hot impression of patterns on leather is dated to the 14th century. This is suggested by findings of a belt in the Tver Kremlin, bone matrices in Novgorod and Minsk, bronze matrices in north-eastern Rus. Within the historical context of mediaeval Rus, the second half of the 13th and first half of the 14th centuries are considered as the period of the formation of new Russian centres. As the political situation is concerned, this time shows simultaneous attempts of the rise of three lands in north-western Rus where capitals of Tver, Moscow and Nizhny Novgorod pretended to the ‘great princedom’. The transference of such a special manufacture as hot impression on leather from Southern Rus to different other Russian princedoms must have corresponded to an increase of the numbers of experienced leather-makers mastering the technique of hot stamping and impression. These artisans worked already in urban trading quarters rather than being limited only by monasteries.

Studies of leather articles of different date in many Russian towns suggest that even in the 16th and 17th centuries, the technique of impression with metal matrices using hot oil or wax was employed by a limited circle of artisans and only for decoration of leather book bindings.

Keywords: *Old Rus, leather working, cold and hot impression on leather, matrices, leather monastic belts, paramands and crosses.*

В одной из ранних работ автор настоящей статьи рассматривал «монашеские пояса» и параманды в связи с техническими традициями древнерусского кожевенного ремесла (Курбатов 2009а: 195 и сл.). Представленные в ней доказательства ограниченности технических приемов декора кожи в Древней Руси свидетельствуют, прежде всего, о своеобразии данных предметов материальной культуры древнерусского духовенства. Был сделан вывод, что сюжетное тиснение на коже, скорее всего, могли производить только в отдельных кожевенных мастерских при монастырях. Однако такой вывод не согласуется с устойчивым мнением отечественных историков и археологов, считавших, что высокий уровень техники и технологии обработки кож на Руси существовал уже в домонгольское время. Можно указать на известную работу С.А. Изюмова, в которой исследовательница сделала вывод о разделении кожевенного и сапожного ремесел в Новгороде уже в XII – XIII вв. Она считала, что «основные технологические приемы обработки шкур, освоенные новгородцами в XI – XVI вв., сохранялись в кустарном производстве России почти без изменения вплоть до XIX в.» (Изюмова 1959: 195).

Среди примеров техники тиснения С.А.Изюмова привела чехол для ножа, декорированный зигзагами, нанесенными зубчатым штампом и датированный XIII – XV вв. (Изюмова 1959: 218, рис. 10: 4). Последующие исследования показали, что чехол бытовал в Новгороде во второй четверти XIV – первой четверти XV в. (Варфоломеева 1993: 165). Учитывая малочисленность подобных чехлов и отличия в технике декора от большинства новгородских находок, можно предполагать их западное изготовление. Другой предмет – кошелек с Ярославова Дворища, относимый к X в., имел «тиснение», которое «несколько необычно по способу нанесения – из мельчайших насечек зубчатого штампа» (Изюмова 1959: 218, рис. 11: 7). По рисунку

вещи можно понять, что декор представляет прошивку цветными нитями или нашитую аппликацию. Кроме того, в обзоре достижений новгородской археологии, найденные в этом раскопе ярусы деревянных сооружений отнесены к XII-му и последующим векам (Колчин, Янин 1982: 16 – 17).

Одним из аргументов в пользу высокой техники тиснения в древнем Новгороде мог бы стать образец кожи с «псевдотисненным чешуйчатым орнаментом», который можно спутать с искусственным тиснением горячим металлическим штампом (Изюмова 1959, рис. 11: 13). Сегодня ясно, что такой «орнамент» является природным феноменом и отражает фактуру бобрового хвоста. Сам хвост мог служить пищевым деликатесом, а его прочную шкуру использовали как уникальный материал для пошива чехлов к ножам, лукам и стрелам. Последние упоминаются в Ипатьевской летописи как *бобровые тулы* (колчаны): «[1241] *И тулы ихъ бобровые раздра и прлбичее ихъ вольчье и борьсуковые раздраны быша*» (Бархударов 1975: 75). Отметим, что изделия и обрезки бобрового хвоста в древнерусских комплексах единичны. На сегодня они отмечены в Твери, Новгороде и Полоцке (Курбатов 2004: 37; Матехина 2008: 190 – 191, рис. 1: 3; Штыхов 1963: 242).

Приводимые аргументы для Новгорода С.А.Изюмова, по умолчанию, рассматривала как общую тенденцию развития ремесла во всех древнерусских землях и городах. Поэтому предполагалось, что в средневековых русских городах могли существовать любые технические приемы обработки кожи, находимые в западных ремесленных традициях. Сегодня такое предположение выглядит сомнительным, поскольку археологические комплексы, на которых С.А.Изюмова строила свои наблюдения и выводы, получили критическое переосмысление (Осипов 2010: 206 и сл.; Курбатов 2012: 165 и сл.).

Мнение о древности развитого тиснения по коже на Руси, до некоторой степени,

подтверждали находки матриц для тиснения серебряных окладов икон и отдельные изделия с рельефным орнаментом, также называемые матрицами. К первым относятся меднолитые матрицы XIII в. для тиснения средника и наугольников окладов напрестольных Евангелий (Рындина 1996: 86, 155 – 156), а ко вторым – монетовидная пластина с Неревского раскопа в Новгороде, найденная в слое начала XIII в. (Седова 1996: 417, 433). Двусторонний рельефный декор последней находки, после изучения аналогов, позволяет считать её не матрицей, а печатью-пломбой (Козлова 2005: 176).

В археологической литературе иногда можно встретить упоминание находок «штампов для кожи» и кожаных предметов со следами воздействия таких «орудий». Все подобные определения требуют специального критического разбора. Так, М.Г.Рабинович писал о применении зубчатого колесика для «накалывания узоров» на кожах, найденных в средневековой Москве. Но приводимый им «исклотый кусок кожи», по описанию и рисунку, скорее всего, был обрезком большого кожаного предмета с декоративной расшивкой или нашитой аппликацией, а отмеченные «наколы» – это мелкие сквозные отверстия от сшивного соединения (Рабинович 1964: 111, рис. 49: 2). Единственный на сегодня «инструмент для разметки кожи» был найден в 2003 г. на Никитинском раскопе в Новгороде, на усадьбе второй половины XIV в., которую считают местом работы сапожника. Это колесико из листовой бронзы в виде цветка с узкими заостренными листками, диаметром около 4,5 см (Дубровин 2004: 13 – 14, рис. 1: 8). Считать находку специализированным инструментом предложил автор раскопок, с чем позднее согласился Д.О.Осипов (Осипов 2012: 28). Между тем, по описанию и рисунку вещи очевидно, что мягкость материала и тонкость зубцов исключают использование предмета в предложенном качестве (Курбатов 2009б: 292).

Способы средневекового тиснения.

Одним из сложных способов декора поверхности кожи является тиснение. Можно назвать два основных варианта механической деформации кожи, закрепляемых на длительное время. Оба варианта использовались в средневековье и известны, по меньшей мере, с античного времени. Они установлены разными исследователями при визуальном изучении находок — по отчетливым краям линий тиснения, по наличию (или отсутствию) следов оттиска на внутренней стороне кожи, по форме оттиска (линейный или фигурный). Изучение археологических находок подкрепляется известными по этнографии способами тиснения кожи, практическим руководством современных кожевников, а также исследованиям по средневековой технике обработки кожи в западноевропейских странах. Эти способы можно условно разделить на механический и термический.

Механический способ использовался для отделки поверхности и создания рисунков на коже, обработанной и методом таннидного дубления, и сыромятной. Следует отметить, что все кожи после окончания обработки ещё сохраняют в себе избыточное количество воды и жиров, которые выделяются из внутренних слоев некоторое время спустя. При этом площадь кожаного листа или детали (если кожа была раскроена) уменьшается на несколько миллиметров или, техническим определениям мастеров, *уседает, осаживается*, т.е. высыхает. На этом и основан механизм улучшения фактуры кожи. Выделанную влажную кожу раскладывали на ровной поверхности, на слое зерен культурных растений (проса, пшеницы, ячменя и др.), затем прижимали досками и в таком положении высушивали. Прижимные доски, вероятно, покрывали тканью или войлоком. При высыхании, на коже сохранялись мелкие бугорки, не имевшие четко выраженных краев на лицевой поверхности, которые равномерно покрывали кожу, напоминая естественную

фактуру материала. Такой способ тиснения был едва ли не единственным вариантом тиснения в древнерусских городах до XIV – XV вв. Из ранних образцов можно указать находки конца XI – первой половины XII в. на Рюриковом городище (Курбатов 2007: 91). Для более раннего времени такое тиснение кожи достоверно не установлено. Единичные образцы тисненой кожи более раннего времени, как например находка в древнейших слоях Старой Ладogi, могли попадать в слои при позднейших перекопах (Курбатов 2006: 65, рис. 2: 19). Подобный способ тиснения кожи несомненно улучшал фактуру материала, но был мало пригоден для получения сюжетных изображений.

Особым видом тиснения можно назвать *накат* мелкими ромбами или квадратами, этнографически фиксируемый в XIX в. Г.Поварнин связывает такой вид отделки с сортом кожи *булгара*, первоначально производимой в ранних производственных центрах Среднего Поволжья, и широко востребованной на среднеазиатском рынке (Поварнин 1912: 89). Единичные обрезки дубленной тонкой кожи, с лощеной поверхностью и накатом ромбами или квадратами встречаются в русских городах с XIV в., например, в Тверском кремле. Там они отнесены к образцам кожи *булгара*, привозимой из городов Среднего Поволжья (Курбатов 2010: 447 и сл.). Подражанием этому сорту кож можно считать чехол для ножиц из Полоцка, датируемый концом XII – первой половиной XIII вв. (Курбатов 1999, рис. 14).

Вариантом механического способа тиснения было создание декоративного узора. В этом случае, на мокрой коже с бахтармы (изнаночной стороны) выкладывали рисунок из шнура, который сдавливался с двух сторон жесткими поверхностями, в качестве которых могли использовать ровно оструганные доски, покрытые войлоком. Но получить в такой технике четкое изображение мелких врезных линий было невозможно. Это подтверждают

футляры и сумки в Новгороде, Твери, Москве, встреченные в слоях не ранее XIV в. (Гайдуков 1992, рис. 90, 1–3; Варфоломеева 1994: 174 – 175; Курбатов 2004, рис. 113, 6; 121, 3; 122; Рабинович 1964: 109, 111, рис. 48).). По мнению отдельных специалистов, такая техника тиснения с изнанки (со стороны бахтармы), при которой на деревянную поверхность наклеивали шнурки, а затем прижимали к ней кожу, в период поздней античности и раннего Средневековья была характерна для восточного Средиземноморья (Курбатов, Матехина 2004: 353 – 354). Однако, на самом деле, подобная традиция широко бытовала в Евразии в древности. Можно назвать традиции украшения кожаных изделий древними монгольскими, тувинскими и казахскими мастерами, которые дожили до XX в. Их своеобразие заключается в том, что для получения выпуклого орнамента, вместо шнуров, они пользовались деревянным трафаретом с резным рисунком. Мокрую кожу накладывали на доску-трафарет и концом тупого ножа вдавливали в вырез рисунка. После просушки выпуклый рисунок на коже прокалывался по контуру шилом и прошивался. Именно так восточные народы традиционно делали рельефные украшения на кожаных флягах, конских чепраках, тебеньках и других изделиях, по крайней мере с середины I тыс. до н.э. (Вяткина 1960: 269; Кочешков 1973: 75 – 76; Вайнштейн 1972: 261; 1974: 129; Маргулан 1986: 207 – 208).

Термический способ тиснения рисунка на мерее предполагает давление влажной или подсушенной кожи горячим металлическим или костяным инструментом. Таким способом можно получить линии разной ширины, миниатюрные художественные композиции и надписи. В простейшем варианте, двигая металлическую пластину с нажимом по поверхности кожи, на ней оставались прямые линии. Под воздействием горячего металла верхние слои кожи уплотнялись — т.е. этот участок поверхности кожи *заваривался*, об-

разуя углубленные линии с ровными краями. Более сложные фигуры делались статичным нажимом горячего инструмента-матрицы. Подобная техника стала широко применяться на Руси не ранее XIV – XV вв. Видимо, самые ранние образцы такого тиснения зафиксированы на чехлах ножей в Новгороде (Варфоломеева 1993: 164 – 165). Но нельзя отрицать возможности привоза некоторых тисненых кожаных изделий из Западной Европы или городов Поволжья в эпоху Золотой Орды. Примерами первых можно назвать находки в Твери и Новгороде (Варфоломеева 1995: 192 и сл.; Колчин и др. 1985, № 284; Курбатов 2004: 64 – 66), а вторых — найденную в Новгороде сумку с бронзовыми уголками и 6-и лепестковой застежкой (Гайдуков 1992, рис. 91; Козлова 2004: 192 – 195).

В целом, в древнерусских городах найдено немного кожаных изделий, имевших качественное тиснение и отчетливую проработку краев оттиснутых прямых линий. Эти линии составляют разные декоративные композиции, по сути, бывшие многократным повторением простейших элементов-линий. С другой стороны, редкие находки сюжетных композиций (рисунков) представляют иной тип оттиска, поскольку делались широкой металлической или костяной пластиной, несущей рельефное изображение всего сюжета, данное в негативном виде на матрице. Такие изделия, следует относить к продукции западных мастеров (Курбатов 2004: 64, 65).

Использование высоких температур для придания коже новых, несвойственных ей качеств, известно с древности. Из античных описаний известно, что придание коже жесткости достигалось её выдерживанием в горячем масле, с последующей запрессовкой в твердых поверхностях. Техника «кипяченной» или «вареной» кожи в Западной Европе процветала и в римское время, и в Раннем Средневековье. Из такой кожи изготавливали т.н. «мускульные» доспехи, различные футляры, кубки для питья, бутылки и другое.

Опыты воздействия на кожу горячих растворов естественным образом перетекают и на применение штампов для мелкого тиснения поверхности. В странах Западной Европы качественные образцы тиснения на коже встречаются в слоях раннесредневекового времени, где также найдены и соответствующие инструменты. В Йорке (Англия) двусторонний инструмент для горячего тиснения поверхности и краев увлажненной кожи встречен в слоях X в. Он имел треугольный или прямоугольный в сечении рабочий край и специальный уступ для упора (Курбатов, Матехина 2004: 353). Ранее упоминание «вареной кожи» (*cuir boilli*) найдено в документе 1185 г. (Russell 1940: 133). Сам термин может вводить исследователя в заблуждение, поскольку кожаные предметы не кипятились, а только вымачивались в нагретом воске или масле. При высыхании кожа становилась жесткой и хорошо держала оттиски изображений. Вариантом этого способа было смачивание поверхности горячим маслом или тиснение горячим инструментом. В последнем случае кожа сохраняла, в большей степени, свою эластичность.

Следует упомянуть, что нагревание кожи в воде, как и кипячение воды в кожаных емкостях были известны, по мнению исследователей, с глубокой древности повсеместно (Зиберт 1953: 93 – 97; Уотерер 1957: 147 и сл.). Отсюда происходит и обычай подражания в формах и отделке глиняных сосудов емкостям из кожи (Краева 2015: 229 и сл.; Тощакова 1974: 314 – 318). Отметим, что возможности кипячения воды в кожаной емкости проверены экспериментально (Ryder 1966: 225 – 227). Поэтому надо учитывать целенаправленное использование вариантов метода «заваривания» кожи для каждого периода истории и отдельного региона мира.

Европейские исследователи отмечали, что в странах Западной Европы производство высокохудожественных кожаных чехлов, книжных переплетов и других предметов,

до начала XIV в. находилось под патронатом церкви (Russell 1940: 130, 133). Поэтому такую технику тиснения использовали в основном для отделки изделий церковного обихода и утвари с христианскими символами, служившими и для священников, и для паствы. С XIV в. техника тиснения горячими штампами стала охватывать широкий круг бытовых изделий из кожи, в том числе кожаные кувшины с рельефным декором (Samariter et al. 2003: 188 – 192), а также благопожелательные надписи на кожаных изделиях (Курбатов 2015: 154 и сл., рис. 1).

Русские ремесленники познакомились с обоими способами тиснения кожи от соседей. Горячее тиснение могло быть привнесено на Русь из Византии и Балканских стран после принятия христианства. Тогда на Русь приезжали первые христианские священники, основывая обители, ставшие центрами внедрения христианского учения. Однако горячее тиснение практиковалось и на Востоке. Марко Поло писал об изготовлении кожаных панцирей из такой кожи у монголов (татар) во второй половине XIII в.: «Вооружение у них лук, меч и палица...а на спине у них панцырь из буйволовоу или другой какой кожи, вареной и очень крепкой» (Минаев, Магидович 1956: 90). О том же сообщал и фламандский монах Гильом де Рубрук, ездивший в Монголию через земли Золотой Орды примерно в то же время (Карпини 1957: 166).

Археологические находки. Надежным доказательством наличия в арсенале древнерусских кожевников горячего тиснения по коже с помощью матриц будут находки кожаных изделий с таким тиснением и современных им инструментов-матриц.

Пояса. На сегодня самые ранние монашеские пояса отмечены в погребении «духовного лица» (монаха или священника) под полом церкви в г. Плиске (Болгария). Строительство и существование церкви, по мнению автора раскопок Ст. Михайлова, ограничивается X – началом XI в. При погребенном най-

дены обрывки пояса шириной 2,5 – 3 см, на котором рельефно оттиснуты круглые медальоны с поясными фигурами святых, с нимбами вокруг головы (Чокоев 2008: 289 и сл., Обр. 3).

В ряде древнерусских земель к настоящему времени найдены монашеские захоронения с кожаными предметами, не известными в могилах мирян. Это – кожаные кресты, монашеские пояса и параманды. Собраны сведения о нескольких десятках кожаных «монашеских поясов» с оттисками двенадцатых праздников, встреченные в захоронениях и в средневековых слоях городов. Наиболее полную их сводку и анализ сделала Т.Д.Панова. По её наблюдениям, погребения простых монахов содержали только кресты, а набор других предметов отличал погребения монахов высоких рангов или членов княжеских семей, принявших постриг перед смертью (Панова 2004: 168). Длина поясов составляет 0,7 – 0,9 м, а ширина, как правило, не превышает 2 – 3 см. Все монашеские пояса отличает очень простая конструкция и отсутствие металлических пряжек. На поясах имеются тисненные изображения двенадцатых праздников в клеймах, кресты, розетки, а также надписи. Они найдены только в захоронениях монахов, где лежали в области живота погребенных.

Некоторые захоронения исследователи приписывают известным в истории монахам, таким как прп. Никита Столпник в Переяславле Залесском (†1186), один из семи святых этого города, особо почитаемый московскими великими князьями и государями (Насырова, Станюкович 2003: 91, 97, рис. 6, 3). Археологические раскопки 2000 г. позволили найти могилу преподобного и установить, что перед погребением, согласно Студийскому уставу, тело облачили в одежды из грубой шерстяной ткани, поверх которой на него возложили схиму и параман с кожаным крестом, а ноги обули в кожаные сандалии. Известно, что в начале XV в. по инициативе

митрополита Киевского Фотия (1408 – 1431) была предпринята попытка эксгумации мощей преподобного, прерванная из-за грозных небесных знамений. В области шеи преподобного найдены обрывки парамана, сплетенного из четырех узких полосок кожи, окрашенной в черный цвет – так называемые «плетцы». Среди праха в средней части гроба был найден небольшой фрагмент почти полностью истлевшего кожаного пояса, имевший оттиски в виде круглых розеток (Станюкович 2003: 2003: 12 – 14).

В Киеве четыре пояса с оттисками сцен «Вход в Иерусалим», «Успение Богородицы» и другие, с соответствующими сюжетами надписями были найдены в захоронениях в пещерах Зверина монастыря (Каманин 1914: 93–99). Много кожаных поясов найдено в Киево-Печерской Лавре, в захоронениях XI – XV вв. Среди них есть пояса со сценами двенадцатых праздников в клеймах (Панова 1999: 145–148; Гущина 2003: 162–163). В.Г.Пуцко упоминает около 50 поясов и их фрагментов, большинство из которых не введено в научный оборот (Пуцко 2011: 61; см. Воронцова 2000; 2005). Сохраняются сомнения относительно датировки кожаных поясов, плетеных крестиков и парамандов в ранних киевских пещерных захоронениях, поскольку пещеры неоднократно открывали для новых захоронений в XVI – XVIII вв. (Бобровский, Воронцова 2002: 184).

В Смоленске два пояса найдены в захоронениях XII в. и, кроме того, при строительных работах в конце XIX в. было открыто погребение монаха? с тисненым поясом и параманом, совершенное до середины XVI в. Последние находки сделаны при устройстве водопровода возле крепостной стены (рис. 1). Из описания преподавателя семинарии Д.К.Вишневого: «Один из параманов, плетеный из тонких ремешков, напоминает собою кожаный параман, вывезенный епископом Порфирием (Успенским) с Востока и находящийся в настоящее время в архео-

логическом музее при Киевской (духовной) академии. Другой параман состоит из двух кожаных лент, из коих одна, с раздвоенным верхним концом, завязывалась вокруг шеи на затылке и спускалась по груди до пояса, а другая заменяла собою пояс. На обеих лентах видны, по определению г. Вишневого, тисненные миниатюрные изображения двенадцатых и избранных праздников, а именно: на продольной, сверху вниз, идут изображения Сретения, Распятия, Преображения, Воскрешения Лазаря, Благовещения, Воскрешения (изведение праведников из ада), опять Благовещения, Рождества Христова, Вознесения, Богоявления, опять Воскрешения Лазаря и Сошествия Святого Духа; на поперечной ленте – Благовещения, Рождества Христова, Богоявления, Воскрешения Лазаря, Исцеления слепого(?), Преображения, Входа в Иерусалим, Распятия, Воскрешения, Вознесения, Сошествия Святого Духа, Успения Богородицы и опять Благовещения. Экземпляры этих редких, если не единственных, параманов недавно переданы г. Вишневым в местный городской историко-археологический музей. Сюда же им переданы и современные параманам погребальные сандалии, найденные на том же месте в Смоленске, где и параманы» (Известия ИАК 1902: 62 – 63). Их изображения опубликованы Н.И.Петровым (Петров 1915: 16, рис. 7).

Несколько захоронений с поясами и кожаными плетеными крестами открыты в м. Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. Одно из них В.Л.Янин связывает с личностью первого игумена обители Савватия (†1226). При нем был пояс с оттисками сцен двенадцатых праздников (рис. 2; 3), архангелов и херувимов в круглых клеймах (Каргер 1946: 208, рис. 39). В могиле с останками княгини Феодосии (в монашестве Евфросиния, †1244), жены новгородского князя Ярослава Всеволодовича (Янин 1988: 100) также был пояс, на котором прямоугольные клейма со сценами двенадцатых

праздников чередуются оттисками равноконечных крестов в круге (Каргер 1946: 206, рис. 29).

Несколько интересующих нас предметов найдены в Московском Кремле. В 1836 г. при ремонте притвора в церкви Спаса Преображения на Бору в погребении найдены тисненый пояс и параман, где «на кожаном поясе вытиснуты те же праздники, что и на парамане» (ДРГ 1849: 166, рис. 107). Наблюдатели сообщали: «Кожа на сих утварях довольно тверда, только некоторая часть пояса истлела» (Снегирев 1842 – 1845: 128). Судя по рисунку, все изображения и подписи между ними сделаны рельефно в прямоугольных клеймах (рис. 4). Согласно исследованиям Т.Д.Пановой, здесь была захоронена княгиня Мария, в монашестве Фотинья (†1399), третья жена князя Симеона Гордого. К сожалению, сейчас нельзя однозначно говорить об изготовлении пояса и параманда к моменту упокоения Анастасии, поскольку в 1472 г. по распоряжению Ивана III это захоронение открывали и останки облачали в новые ризы, что позволило Т.Д.Пановой относить пояс и параман ко второй половине XV в. (Панова 1999: 147; 2003: 91 – 94).

Один из позднейших по времени поясов найден в усыпальнице соборного храма Вознесенского монастыря в Московском Кремле (рис. 5), в саркофаге княгини Евдокии Дмитриевны, вдовы князя Дмитрия Донского (†1407). Кроме того, в последние годы в Кремле было найдено захоронение с поясом неизвестного монаха, возрастом около 70 лет. Он лежал в белокаменном саркофаге, форма которого не выходит за XV в. (Панова 1999: 147; 2003: 114 – 118).

Два пояса с двенадцатыми праздниками происходят из древнего культурного слоя городов. В Новгороде остатки пояса встречены на усадьбе «Е» Троицкого VI раскопа в Людином конце, в слоях начала XIV в. (Янин и др. 1983: 45), хотя Т.Д.Панова считает возможным, согласно научному отчету о рас-

копках, датировать пояс концом XIV – XV в. На двух его обрывках хорошо видно пять прямоугольных клейм, с короткими сопроводительными надписями, со сценами Рождества Христова, Богоявления, Вознесения, Преображения и Успения Богородицы. Четыре клейма расположены необычно – поперек пояса – и только сцена Вознесения развернута фронтально (Панова 1999: 146). Второй предмет, названный «кожаной лентой», найден в 1985 г. на южной окраине Тверского кремля в слоях середины XIII – начала XV вв. Длина сохранившейся части 89 см, ширина 2 см (Попова 1987: 93). Его отличает большое расстояние между клеймами и примитивизм изображенных фигур (рис. 6).

Матрицы. Особый интерес для установления времени и места изготовления «монашеских поясов» представляют матрицы, с которых могли быть сделаны оттиски на поясах. Это должны быть прямоугольные и круглые пластины (печатки), со сторонами 2,5 – 3 см, с углубленными изображениями, имеющими отчетливую проработку краев — достаточно ровные и острые грани, а также гладкую поверхность. Сегодня таких находок немного. Ранняя находка происходит из Вышгорода под Киевом (рис. 7). Это медный штемпель с изображением Вознесения Господня, который, по мнению И.М.Каманина, служил для изготовления поясов в каком-либо из местных монастырей (Каманин 1914: 94). Фотография его приведена в Альбоме экспозиции церковно-археологического музея при Киевской духовной академии (Петров 1915, рис. 8). Штемпель представляет вытянутый дрот прямоугольного сечения длиной около 10 – 15 см, с вырезанным для тиснения сюжетом на расширенном плоском конце, почти квадратном в плане. Современное местонахождение предмета неизвестно.

Достоверные бронзовые матрицы в стратифицированных слоях встречены при раскопках в Полоцке и Москве. Предмет, найденный С.В.Тарасовым на Великом по-

саде Полоцка в 1987 г. представляет прямоугольную пластину размерами 2.1 x 2.0 см и толщиной 1.2 см, датированную XIV – XV вв. Автор раскопок назвал её поясной накладкой с изображением сюжета «Сергий Радонежский благословляет на битву Пересвета и Ослябью» (Левко, Коваленя 2012: 506). В технике заглубленного рельефа изображена фигура святого, благословляющего двух людей (рис. 8). Руки святого – над головами благословляемых, протягивающих к нему свои руки. За святым видны две фигуры святых предстоящих. По мнению А.Е.Мусина, здесь изображено Воскрешение Лазаря, один из великих церковных праздников. Размеры и форма предмета, а также заглубленный рельеф изображений позволяет считать находку матрицей для оттиска сюжета на кожаных поясах.

При раскопках 2007 г. в Московском Кремле, в нижней части Боровицкого холма, были найдены две медных матрицы, размерами 3.0 x 2.5 см. Рентгено-флюоресцентный анализ металла позволил определить его содержание: Fe – 2%, Cu – 50%, Pb – 10%, Sn – 38%. Обе матрицы найдены в заполнении впускной постройки первой четверти XVI в. Первый штемпель изображает Сошествие по Ад (Воскресение Христово), на что указывает изображение над головой Иисуса Голгофского креста – символа искупительной жертвы Сына Божия и начала Нового времени (рис. 9). На втором штемпеле вырезана сцена Преображения Господня, где по обеим сторонам от Христа изображены пророки Моисей и Илия (Осипов 2014: 123 – 124).

Случайной находкой является бронзовая матрица, найденная в окрестностях Гродка Надбужского (повет Хрубешов, Люблинское воеводство, Польша) и датированная XII – XIII вв. На прямоугольной пластине размерами 2,2 x 2,55 см хорошо сохранилось рельефное изображение сцены Успения Богоматери, с глубиной проработки 0,4 мм (рис. 10). Её отнесение к матрицам данного типа оп-

ределяют признаки: 1) она абсолютно точно подходит по размерам к оттискам изображений на известных поясах; 2) имеет аналогичный сюжет и построение всей религиозной сцены; 3) она найдена на исторических землях Галицко-Волынской державы, население которых на протяжении всего средневековья сохраняло свою православную идентичность. Это, несомненно, не сама матрица для тиснения по коже, а оригинал, по которому отливали матрицы, имевшие врезное изображение.

В недавней работе В.Г.Пуцко о монашеских поясах приведены новые находки металлических матриц, сделанные в разных регионах Руси – подмосковные Бронницы, Клевшин (Ярославская область), с.Заворово близ Тарусы, Любутск (Калужская область), Рязань и окрестности Серпухова (Пуцко 2011: 60 – 66, рис. 8). Все они являются бронзовыми прямоугольными пластинами, в основном – с двусторонним изображением разных сюжетов праздников. Отсутствие в работе сведений об условиях нахождения предметов, характеристик слоев или комплексов, заставляет предполагать, что вещи являются «подъемным материалом», происходящим из неопределенных контекстов. Все они сегодня находятся в частных коллекциях.

Матрицы изготавливали не только из медных сплавов, но также из кости (рога). На территории Руси известны 2 таких предмета. Первый найден в 1971 г. на Кировском раскопе в Новгороде, в выбросе земли при подготовке раскопа к работе. Он не имеет стратиграфической даты и определен как штамп для басмы (Колчин, Рыбина 1982: 230, рис. 43). Позднее находка была отнесена к XV в. (Древний Новгород 1985: № 174). Это костяная пластина размерами 4,5 x 3,8 x 0,5 см, на лицевой стороне которой углубленным рельефом вырезано зеркальное изображение евангельской сцены Входа Господня в Иерусалим (рис. 11). В центре композиции — фигура Христа в крестчатом нимбе, сидящего на некоем звере, перед ним — пальмовая? ветвь,

а вокруг него и ниже показаны апостолы. По верху идет надпись «Входъти». По мнению издателей, изображенная сцена весьма условна и схематична, а зверь, на котором Христос въезжает в Иерусалим, мало похож на евангельского осла (Колчин, Рыбина 1982: 230).

Вторая матрица (рис. 12) найдена при раскопках Минска в 1986 г. и представляет собой кубик из рога со сторонами 3 см, который Г.В.Штыхов назвал «кубиком для гадания монаха» и датировал его XVI – XVII вв. (Штыхау 1989: 172 – 174, рис. 84, 85). На всех сторонах вырезаны сюжеты главных христианских праздников: Крещение, Воскресение Лазаря, Вход в Иерусалим, Сошествие в Ад, Вознесение Христа, Сошествие Святого Духа. Поделка имела коричневый цвет, её грани, с фасками, были тщательно заглажены и отполированы. Судя по фотографии, фигуры врезаны глубоко (возможно на 2,5 – 3 мм), края изображений несколько затерты, а поверхность всех граней сильно залощена. Следует отметить, что датировка кубика XVI – XVII вв. довольно условна, поскольку он найден в слоях, размытых паводковыми водами в районе нижнего Рынка. В кратких сообщениях о раскопках указано: «Между гравийно-песчаными прослойками, намытыми водой, общей толщиной до 1 м найдены вещи XII – XIII вв. (обломки амфор, наконечники стрел, шпоры, стеклянные браслеты, шиферные пряслица) и предметы XVI – XVII вв. Уникален кубик размером 3 см, вырезанный из рога, на плоскостях которого выгравированы шесть многофигурных композиций на евангельские темы» (Штыхов и др. 1988: 387).

Таким образом, сегодня нам известно не менее 13 бронзовых и костяных матриц, хотя документально зафиксированы и «привязаны к слою» далеко не все. Поэтому ни места находки матриц, ни города, в которых имеются погребения монахов с тисненными поясами, сюжеты на которых могли быть сделаны такими матрицами, не дают представления о центрах изготовления «монашеских по-

ясов». Наиболее вероятным надо считать, что пояса делали при монастырях в крупнейших городских центрах своего времени, бывших одновременно и центрами крупных государственных образований (земель, княжеств) – в Киеве, Новгороде, Полоцке, Москве.

Современное состояние и перспективы изучения. Сегодня нам в целом понятно обрядовое значение и семантика кожаных «монашеских поясов», параманов и плетеных крестиков в христианской культуре Древней Руси. Правомерно рассматривать их в контексте предметов культуры и искусства Византии, пришедших на Русь вместе с христианством и отражающих появление на Руси новых этических воззрений и концепций (Ewans & Wixom 1997: 305, 306). В древнерусском материале хорошо прослеживается развитие культуры и вещественной атрибутики монашества.

В самом раннем христианском монашеском уставе IV в. названы одежды и пояса из растительного волокна – тканые и плетеные, а не кожаные. Хотя в VI – VII в. египетские монахи использовали и кожаные пояса, в том числе украшенные отпечатками изображений орнаментально-геометрического характера. Подобный пояс, по словам св. патриарха Германа Константинопольского (715 – 730), напоминая иноку усменный пояс св. Иоанна Предтечи, знаменует умерщвление плоти, а вместе с тем – готовность на всякое доброе дело (ДРГ 1849: 166). В Первом Болгарском царстве обряды положения в монашество были восприняты из Византии в традициях монашеского реформаторства прп. Феодора Студита (†826). Студийский устав господствовал по всей Византии до XIII вв., и постепенно был заменен Иерусалимским уставом. В XI в. прп. Феодосий Печерский перенес Студийский устав на древнерусские земли. По письменным данным, в IX – XI вв. в Византии и Болгарии монашеское облачение состояло из 6 предметов: ризы, куколя, аналава, пояса, обуви и мантии (Гошев 1932: 50 – 60). В

позднейших поучениях церковных авторитетов встречаются разъяснения этих атрибутов. Так, свт. Симеон Солунский (†1429) писал, что кожаный аналав символизирует уход от мирской жизни, а кожаный пояс – умерщвление плоти, целомудрие и чистоту, укрепление в страданиях за веру (Чокоев 2008: 294).

Византийские и болгарские сочинения христианских апологетов были переведены на древнерусский язык. Из них мы знаем, что «скимный с праздникы» пояс как часть монашеского облачения на Руси был в обиходе в домонгольское время. Его упоминал Кирилл Туровский в «Сказании о черноризьстем чину»: «Пояс же – крестыня смерти осужение, ею же Адама обожил, за нь же связан водим быст, по писанию: Есть поясан правдою, и истиною обит в ребра своя; – и по сему образу скимный, с праздникы, пояс, от Адама и от Арона, и обою закону Христомъ съвършен» (Еремин 1956: 359; Смирнова 1992: 128). В более позднем сочинении Васиана Патрикеева, которое датируют 1518 г., находим: «Апостол же...повеле и в сукняны ризы черныа одети их и поясы ременя поясати я о чреслах» (Смирнова 1992: 92).

Современный параман – четырехугольный нагрудник с подшитыми к углам шнурами, охватывающий плечи монаха, обвивая и стягивая его одежду. Официальные церковные тексты утверждают, что «параман дается иноку во всегдашнее воспоминание ему взятия на себя благого ига Христова и легкого бремени ношения его, и в обуздание и связание всех похотей и плотских желаний» (Никольский 1907: 746). Самым ранним упоминанием парамана, до последнего времени, исследователи считали слово *оперсник*, встреченное в новгородской берестяной грамоте № 648, имевшей стратиграфическую дату – середина 90-х гг. XII – конец 20-х гг. XIII в. (Панова 2004: 168; Янин, Зализняк 1993: 44). В первом почтении этот предмет был отнесен к группе «церковных или священнических принадлежностей». Но последующее

изучение всего комплекса берестяных грамот выявило единство двух отдельно найденных фрагментов – грамот № 648 и № 659, первоначально бывших единым документом, который фиксировал отдавание вещей на сохранение – *сблюдение*. Поэтому в настоящее время священнический характер *покровца* и *оперсника* из грамоты № 648 представляется не столь очевидным (Янин, Зализняк 2000: 118 – 119).

Сегодня большая часть нерешенных вопросов касается технических приемов нанесения сюжетных изображений на кожу, а также развитие стилевых изменений. Их изучение предполагает перекрестное рассмотрение матриц для тиснения евангельских сюжетов на коже и оттисков этих сюжетов непосредственно на кожаных поясах. Именно местонахождение матриц в большей степени можно считать связанным с производством таких изделий. В этом направлении свои наблюдения высказал В.Г.Пуцко, обративший внимание на идентичность изображения Сретения на поясах и параманах из Киева, Смоленска и Москвы и их сопоставимость с двусторонним штемпелем из подмосковных Бронниц (Пуцко 2011: 64). Но, такое единичное наблюдение не дает ответа на многие другие вопросы. На наш взгляд, стилистическое изучение клейм должно предварять их качественно выполненный каталог, с фотографиями и прорисовками. Стилистическое и сюжетное сопоставление может также опираться на известные иконографические типы, датируемые по разным источникам. Например, можно предложить сопоставление сюжетов на поясах и матрицах с сюжетами на миниатюрных резных костяных иконках (рис. 13).

Сегодня мы находим матрицы для тиснения на коже, выполненные из двух видов материала – рог и бронзовые сплавы. Они различаются по внешнему виду, размерам и сочетанию числа сюжетов на одном инструменте. Все это заставляет предполагать раз-

ные технические приемы нанесения изображений. Например, бронзовые матрицы можно нагревать на открытом огне и в разогретом виде накладывать на пояс для получения качественного оттиска. В то же время роговые матрицы таким образом разогреть нельзя – поверхность их обгорит и деформируется под действием высокой температуры открытого огня. Но их можно разогревать в горячем масле или воде. Также возможно допустить смачивание кожи подогретым маслом или водой.

Остается непонятным отсутствие железных инструментов для горячего тиснения. До некоторой степени, этот нюанс специально оговаривают современные мастера художественных работ с кожей, считающие, что железные или стальные штампы следует использовать только при холодной штамповке, тогда как для горячей штамповки надо применять медные инструменты (Пушкина 1999: 61 – 62).

По-видимому, у средневековых мастеров были различные приемы горячего тиснения, на возможность чего указывают форма и размеры бронзовых матриц. Во-первых, существовали матрицы нажимного действия, которые «мягко» прижимаются к коже и при статичном давлении удерживаются в таком положении некоторое время. Такими являются большинство выявленных бронзовых матриц – из Гродека, Москвы, Полоцка, Клещина, Загорова, Любутска, окрестностей Серпухова (см. Пуцко 2011, рис. 8). Здесь дополнительным аргументом именно такого действия может служить наличие сюжетных рельефных изображений на обеих сторонах матрицы. Во-вторых, известны матрицы ударного действия, прижимаемые рабочей поверхностью с изображением к коже с последующим механическим ударом по концу длинной рукояти инструмента. Такие матрицы-штемпели с длинной рукоятью, расширенным рабочим концом найдены в Киеве и Рязани, при этом первый предмет был найден целым, а от второго сохранился только ши-

рокий «рабочий» конец с вырезанной евангельской сценой (Пуцко 2011, рис. 8: 7). К орудиям ударного действия можно относить и тонкие плоские штемпели с вырезанными евангельскими сценами только на одной стороне. Такие штемпели могли быть частью составного орудия, о чем свидетельствуют искусственные выемки-вырезы на тыльной стороне матриц, где нет изображений. Сегодня мы знаем две такие находки – в Москве и окрестностях Серпухова (Осипов 2015, рис. 4; Пуцко 2011, рис. 8: 8). Вырезы на свободной от рельефа стороне были необходимы для плотного сочленения матрицы с ударником.

Выводы. Анализ источников по декоративному тиснению кожи в средневековой Руси, в странах Западной Европы и Евразии в целом приводит нас к выводу, что экземпляры кожаных «монашеских поясов» с клеймами, на фоне древнерусского кожевенного ремесла, являются немногочисленными и исключительными по технике изготовления. Они выделяются качеством проработки мельчайших деталей сюжетных рисунков, прочно закрепившихся на коже после оттиска металлическими или костяными матрицами. Редкость и избирательность нанесения качественного декора – только на пояса определенного назначения и параманы – позволяет предполагать его применение первоначально только в одном — двух центрах, а также показывает ограниченность круга изделий. Вероятно, способы качественных тиснений на коже были известны и сохраняемы только в узком кругу ремесленников, работающих при отдельных монастырях, где делали монашеские пояса, параманы и книжные переплеты. Такое положение в большей степени справедливо для домонгольского времени.

Для XI – XIII вв. центром производства «монашеских поясов» мог быть один из монастырей Киева. Это предположение подтверждают два наблюдения: 1) упомянутая находка бронзовой матрицы в Вышгороде под Киевом в конце XIX в., представляющая

наиболее ранний, с технической точки зрения, вариант матрицы «ударного действия»; вторая находка подобного инструмента в Рязани, очень крупном и развитом центре домонгольской Руси, укрепляет такое предположение; 2) наиболее ранние формы клейм – круглые, привнесенные из Болгарии, имеются только в домонгольских захоронениях на Руси – в Новгороде и Переяславле. Надо считать, что заимствование приемов холодной и горячей штамповки в Южной Руси шло из Византии напрямую или через Болгарию. В то же время остается необъяснимым отсутствие круглых клейм на поясах в Киевских пещерах.

Для раннего времени можно считать характерным не только редкость кожаных «монашеских поясов», параманов и плетеных кожаных крестиков, но и их неизменное высокое качество исполнения. Здесь надо отметить высокое искусство и мастеров, вырезавших миниатюры для бронзовых штампов и мастеров, искусно сплетавших кожаные кресты из тонких ремешков, выделявая на концах их круглые утолщения («кружки»-зерна). Это находки крестиков в Киевских пещерах, в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и в Москве (рис. 3; 14). Возможно, к ним же относятся крестики, найденные в погребениях у храма в Минске, датированные периодом не позднее начала XIII в., названные автором раскопок «кожаные «параманы» с крестами на груди, сплетенные из кожаных шнурков» (Тарасенко 1957: 231 – 232). Именно так именовали подобные находки и исследователи киевских пещерных захоронений. Позднее параманы стали делать в форме широких прямоугольных нагрудных пластин.

Кожаные нагрудные кресты-параманы не следует рассматривать вместе с другими кожаными крестами, более простыми в изготовлении (рис. 15; 16). Единственный известный такой крестик, сделанный «из прямоко-нечных кожаных ремешков с ромбовидным узлом в средокрестии», размером 6 x 3.8 см, найден при раскопках Л.В.Колединского 1978

г. в постройке № 11 на Верхнем замке Витебска в слое конца XIII – начала XIV вв. (Башков 2011: 42).

Вероятно, к XIV в. надо относить более широкое распространение на Руси техники горячей штамповки изображений на коже. Об этом можно предположительно говорить на основании находки пояса в Тверском кремле, костяных матриц в Новгороде и Минске, бронзовых матриц в северо-восточной Руси. Здесь отчетливо прослеживается различие в искусстве исполнения миниатюрных изображений. Например, изображения на новгородской матрице и на тверском поясе отличаются выраженным схематизмом в прорисовке основных контуров и отсутствие мельчайших деталей. Обнаружение матрицы в Новгороде заставляет рассматривать его как второй, вероятный, центр изготовления «монашеских» поясов, копирующих южнорусские прототипы. О заимствовании с юга свидетельствует не только схематизм изображения, более позднее время начала их изготовления и размеры поясов.

Появление пояса из предполагаемой новгородской мастерской в Тверском кремле соответствует сложившимся хозяйственным связям Твери и Новгорода в конце XIII – начала XIV в., когда на Тверском столе сидел князь Михаил Ярославич, проводивший активную самостоятельную политику. В археологических материалах новгородско-тверские связи этого времени отчетливо проявляется по находкам в Тверском кремле вещей новгородского происхождения — берестяных грамот, свинцовой печати новгородского владыки Василия Калики и костяной печати-матрицы в форме шахматной фигуры-пешки (Лапшин 2002: 59 – 61).

В историческом контексте средневековой Руси XIII – первая половина XIV вв. представляются как этап развития новых центров земель. В политическом плане – это попытки консолидировать русские княжества под своей властью, а в торгово-производствен-

ном – сосредоточить в новых центрах все значимые ремесленные достижения и широкий спектр торговых контактов. В этом плане интересный анализ предложил В.А.Лапшин, показавший почти одновременные попытки возвышения трех княжеств Северо-Восточной Руси, претендовавших на «великое княжение», со столицами в Твери, Москве и Нижнем Новгороде (Лапшин 2009: 198 – 201; 2014: 278 и сл.).

Распространение столь специально-го производства из Южной Руси в разные русские княжества, надо полагать, сопровождалось и умножением числа мастеров-кожевников, владевших техникой горячей штамповки и тиснения, относящихся уже к городским посадам, а не ограниченных работами при монастырях. Такое положение вело к существенному расширению числа мастеров и повышению качества кожевенной продукции. Надо отметить, что такое же положение с работой по коже исследователи отмечают и в странах Западной Европы, называя рубежным именно XIV в. (Russell 1940: 130). Можно полагать, что технические приемы «горячей штамповки» русские мастера перенимали у западных кожевников.

Изучение кожаных изделий различного времени во многих русских городах позволяет делать вывод, что даже в XVI – XVII в. техника тиснения металлическими матрицами с использованием горячего масла или воска использовалась ограниченным кругом ремесленников и только для декоративной отделки кожаных книжных переплетов. Подобные изделия остаются в то время редкими, а обработанная таким методом кожа визуально выделяется из остальной массы археологических находок.

Техника тиснения декора на монашеских поясах и параманах сравнима только декором на западноевропейской кожевенной продукции широкого спектра применения, относящейся к позднему средневековью, в рамках европейской научной периодизации

средневековья. Некоторые кожаные изделия, находимые в русских средневековых городах и содержащие качественное тиснение поверхности, находят аналогии в западных городах и с полным основанием могут быть признаны западноевропейской продукцией (Курбатов 2004: 64, 65).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

- Бархударов 1975:** С. Г. Бархударов (гл. ред.). Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1: А – Б. М.: Наука. 1975. [S. G. Barhudarov (gl. red.). Slovary russkogo yazyuka XI – XVII vv. Vayp. 1: A – B. M.: Nauka. 1975.]
- Башков 2011:** А. А. Башков. Христианские древности Беларуси конца X – XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск: И. П. Логвинов. 2011. [A. A. Bashkov. Hristianskie drevnosti Belarusi kontsa X – XIV vv. (predmetay hristianskogo kulyta individualynogo ispol'zovaniya). Minsk: I. P. Logvinov. 2011.]
- Бобровский, Воронцова 2002:** Т. Бобровский, Е. Воронцова. Монашеские кожаные изделия из раскопок киевских пещер (Предварительное сообщение). – В: Юбилеен сборник в чест на проф. Д. Овчаров: Докл. и науч. съобщения от петите музейни четения на 70-годишнината на проф. Димитър Овчаров, 17 май 2001 г. Х. Д. Харитонов (ред.). Велико Търново: Регионален исторически музей. 2002. 179 – 185. [T. Bobrovskiy, E. Vorontsova. Monasheskie kozhanaye izdeliya iz raskopok kievskih peshter (Predvaritelynoe soobshtenie). – V: Yubileen sbornik v chest na prof. D. Ovcharov: Dokl. i nauch. saobshteniya ot petite muzeyni cheteniya na 70-godishninata na prof. Dimitar Ovcharov, 17 may 2001 g. H. D. Haritonov (red.). Veliko Tarnovo: Regionalen istoricheski muzey. 2002. 179 – 185.]
- Бялова 2009:** Т. У. Бялова (галл.ред.). Археология Беларуси: энциклопедия ў 2 тамах. Т. 1. Минск: Беларуская Энциклопедия імя Петруся Броўкі, 2009. [T. U. Byalova (gall.red.). Arkhealogiya Belarusi: entsyklopedyya ў 2 tamakh. T. 1. Minsk: Belaruskaya Entsyklopedyya imya Petrusya Broŭki, 2009.]
- Вайнштейн 1972:** С. И. Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука. 1972. [S. I. Vaynshteyn. Istoricheskaya etnografiya tuvintsev. Problemay kochevogo hozyaystva. M.: Nauka. 1972.]
- Вайнштейн 1974:** С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тувы. М.: Наука. 1974. [S. I. Vaynshteyn. Istoriya narodnogo iskusstva Tuvay. M.: Nauka. 1974.]
- Варфоломеева 1993:** Т. С. Варфоломеева. Кожаные ножны XI – XV вв. из раскопок Новгорода. – В: Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. В.Л.Янин (ред.). Новгород: НГОМЗ. 1993. 162 – 169. [T. S. Varfolomeeva. Kozhanaye nozhny XI – XV vv. iz raskopok Novgoroda. – V: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. Vayp. 7. V.L.Yanin (red.). Novgorod: NGOMZ. 1993. 162 – 169.]
- Варфоломеева 1994:** Т. С. Варфоломеева. Металлические детали кожаных футляров XI – XV вв. из раскопок в Новгороде. – В: Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. В. Л. Янин (ред.). Новгород: НГОМЗ. 1994. 166 – 182. [T. S. Varfolomeeva. Metallicheskie detali kozhanayh futlyarov XI – XV vv. iz raskopok v Novgorode. – V: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. Vayp. 8. V. L. Yanin (red.). Novgorod: NGOMZ. 1994. 166 – 182.]
- Варфоломеева 1995:** Т. С. Варфоломеева. Кожаные футляры в виде коробочек. – В: Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. В. Л. Янин (ред.). Новгород: НГОМЗ. 1995. 192 – 202. [T. S. Varfolomeeva.

- Kozhanaye futlyaray v vide korobochek. – V: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. Vayr. 9. V. L. Yanin (red.). Novgorod: NGOMZ. 1995. 192 – 202.]
- Воронцова 2000:** О. Воронцова. Лаврські печери. Путівник. Київ: Амадей. 2000. [О. Vorontsova. Lavryski pecheri. Putivnik. Кіїв: Amadey. 2000.]
- Воронцова 2005:** Е. Воронцова. Пещеры Киево-Печерской лавры. Путеводитель. Киев: Амадей. 2005. [О. Vorontsova. Lavryski pecheri. Putivnik. Кіїв: Amadey. 2000.]
- Вяткина 1960:** К. В. Вяткина. Монголы Монгольской народной республики (Материалы историко-этнографической экспедиции АН СССР и Комитета наук МНР 1948 – 1949 гг.). – В: Восточно-Азиатский этнографический сборник. Т. 1. Труды института этнографии. Новая серия, т. 60. М., Л.: Изд. АН СССР. 1960. 159 – 269. [К. В. Vyatkina. Mongolay Mongolyskoy narodnoy respubliki (Materialay istoriko-etnograficheskoy ekspeditsii AN SSSR i Komiteta nauk MNR 1948 – 1949 gg.). – V: Vostochno-Aziatskiy etnograficheskiy sbornik. T. 1. Truday instituta etnografii. Novaya seriya, t. 60. M., L.: Izd. AN SSSR. 1960. 159 – 269.]
- Гайдуков 1992:** П. Г. Гайдуков. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. Отв. ред. В. Л. Янин. М.: ИА РАН; НГОМЗ. 1992. [P. G. Gaydukov. Slavenskiy konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnayu raskop. Otv. red. V. L. Yanin. M.: IA RAN; NGOMZ. 1992.]
- Гошев 1932:** И. Гошев. Облеклото на старобългарските монаси. – Известия на Националния етнографски музей. Т. X/ XI. София. 1932. 40 – 72. [I. Goshev. Obklekoto na starobalgarskite monasi. – Izvestiya na Natsionalniya etnografski muzey. T. X/ XI. Sofiya. 1932. 40 – 72.]
- Гущина 2003:** Л. В. Гущина. Древние кожаные изделия из археологических раскопок Киево-Печерской Лавры. – В: Христианское наследие Византии и Руси. Материалы II международной научной конференции. Отв. ред. В. Л. Мыц. Симферополь: Универсум. 2003. 161 – 176. [L. V. Gushtina. Drevnie kozhanaye izdeliya iz arheologicheskikh raskopok Kievo-Pecherskoy Lavray. – V: Hristianskoe nasledie Vizantii i Rusi. Materialay II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Otv. red. V. L. Mayts. Simferopoly: Universum. 2003. 161 – 176.]
- Дубровин 2004:** Г. Е. Дубровин. Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. – В: Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. В. Л. Янин (ред.). Великий Новгород: НГОМЗ. 2004. 13 – 18. [G. E. Dubrovin. Arheologicheskie issledovaniya na Nikitinskom raskope v 2003 g. – V: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. Vayr. 18. V. L. Yanin (red.). Velikiy Novgorod: NGOMZ. 2004. 13 – 18.]
- Еремин 1956:** И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. – В: Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XII. М.-Л. 1956. 340 – 361. [I. P. Eremin. Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo. – V: Truday Otdela drevnerusskoy literaturay. T. XII. M.-L. 1956. 340 – 361.]
- Зиберт 1953:** Э. В. Зиберт. Сосуды из коровьего вымени в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии. – В: Сборник Музея антропологии и этнографии: научные статьи. Т. 14. С. П. Толстов (отв. ред.). М., Л.: Изд. АН СССР. 1953. 93 – 97. [E. V. Zibert. Sosuday iz korovyego vaymeni v kollektsiyah Muzeya antropologii i etnografii Akademii. – V:

Sbornik Muzeya antropologii i etnografii: nauchnaye statyi. T. 14. S. P. Tolstov (otv. red.). M., L.: Izd. AN SSSR. 1953. 93 – 97.]

Изюмова 1959: С. А. Изюмова. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. – В: Труды Новгородской археологической экспедиции. А. В. Арциховский, Б. А. Колчин (ред.). Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 65. М.: Изд. АН СССР. 1959. 192 – 222. [S. A. Izyumova. K istorii kozhevennogo i sapozhnogo remesel Novgoroda Velikogo. – V: Truday Novgorodskoy arheologicheskoy ekspeditsii. A. V. Artsihovskiy, B. A. Kolchin (red.). Materialay i issledovaniya po arheologii SSSR. Vayr. 65. M.: Izd. AN SSSR. 1959. 192 – 222.]

Каманин 1914: И. Каманин. Зверинецкие пещеры в Киеве (их древность и святость). Киев: тип. Киево-Печ. Лавры. 1914. [I. Kamanin. Zverinetskie peshteray v Kieve (ih drevnosty i svyatosty). Kiev: tip. Kievo-Pech. Lavray. 1914.]

Каргер 1946: М. К. Каргер. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933 – 1935). – Советская археология. Т. VIII. М.-Л. 1946. 175 – 222. [M. K. Karger. Raskopki i restavratsionnaye rabotay v Georgievskom sobore Yuryeva monastayra v Novgorode (1933 – 1935). – Sovetskaya arheologiya. T. VIII. M.-L. 1946. 175 – 222.]

Карпини 1957: Д. дель П. Карпини. История монголов [Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука]. М.: Гос. Изд-во географической литературы, 1957. [D. dely P. Karpini. Istoriya mongolov [Puteshestvie v vostochnaye stranay Plano Karpini i Gilyoma de Rubruka]. M.: Gos. Izd-vo geograficheskoy literaturay, 1957.]

Козлова 2004: А. В. Козлова. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде. – В: Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. В. Л. Янин (ред.). Великий Новгород: НГОМЗ. 2004. 188 – 207. [A. V. Kozlova. Ukrasheniya remnya, sbrui i sumok vostochnogo proishozhdeniya iz raskopok v Velikom Novgorode. – V: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. Vayr. 18. V. L. Yanin (red.). Velikiy Novgorod: NGOMZ. 2004. 188 – 207.]

Козлова 2005: А. В. Козлова. Восточные предметы быта, ремесла и торговли из раскопок в Великом Новгороде. – В: Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19. В. Л. Янин (ред.). Великий Новгород: НГОМЗ. 2005. 172 – 185. [A. V. Kozlova. Vostochnaye predmetay bayta, remesla i trgovli iz raskopok v Velikom Novgorode. – V: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. Vayr. 19. V. L. Yanin (red.). Velikiy Novgorod: NGOMZ. 2005. 172 – 185.]

Колчин, Рыбина 1982: Б. А. Колчин, Е. А. Рыбина. Раскоп на улице Кирова. – В: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. Б. А. Колчин, В. Л. Янин (ред.). М.: Наука. 1982. 178 – 238. [B. A. Kolchin, E. A. Raybina. Raskop na ulitse Kirova. – V: Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda. B. A. Kolchin, V. L. Yanin (red.). M.: Nauka. 1982. 178 – 238.]

Колчин, Янин 1982: Б. А. Колчин, В. Л. Янин. Археологии Новгорода 50 лет. – В: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. Б. А. Колчин, В. Л. Янин (ред.). М.: Наука. 1982. 3 – 137. [B. A. Kolchin, V. L. Yanin. Arheologii Novgoroda 50 let. – V: Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda. B.

- A. Kolchin, V. L. Yanin (red.). M.: Nauka. 1982. 3 – 137.]
- Колчин и др. 1985:** Б. А. Колчин, В. Л. Янин, С. В. Ямщиков. Древний Новгород: прикладное искусство и археология. Альбом. М.: Искусство. 1985. [B. A. Kolchin, V. L. Yanin, S. V. Yamshtikov. Drevniy Novgorod: prikladnoye iskusstvo i arheologiya. Alybom. M.: Iskusstvo. 1985.]
- Кочешков 1973:** Н. В. Кочешков. Народное искусство монголов. М.: Наука. 1973. [N. V. Kocheshkov. Narodnoye iskusstvo mongolov. M.: Nauka. 1973.]
- Краева 2015:** Л. А. Краева. Сарматская керамика как исторический источник. – В: Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29-31 октября 2013 г., Москва). Ю. Б. Цетлин (ред.). М.: ИА РАН. 2015. 229 – 242. [L. A. Kraeva. Sarmatskaya keramika kak istoricheskiy istochnik. – V: Sovremennaye podhoday k izucheniyu drevney keramiki v arheologii. Mezhdunarodnaya simpozium (29-31 oktyabrya 2013 g., Moskva). Yu. B. Tsetlin (red.). M.: IA RAN. 2015. 229 – 242.]
- Курбатов 1999:** А. В. Курбатов. Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка. – В: Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. Е. Н. Носов (отв. ред.). СПб: ИИМК РАН. 1999. 100 – 117. [A. V. Kurbatov. Nasledie M. K. Kargera: kolleksiya kozhanayh predmetov iz raskopok 1957 g. na Verhnem zamke Polotska. – V: Rannesrednevekovaye drevnosti Severnoy Rusi i ee sosedy. E. N. Nosov (otv. red.). SPb: ИИМК РАН. 1999. 100 – 117.]
- Курбатов, Матехина 2004:** А. В. Курбатов, Т. С. Матехина. Мех и кожа в средневековой Европе. Рец. на: Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology. Ed. E. Cameron. London. 1998. – В: Археологические вести. № 11. 2004. 350 – 357. [A. V. Kurbatov, T. S. Matchina. Meh i kozha v srednevekovoy Evrope. Rets. na: Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology. Ed. E. Cameron. London. 1998. – V: Arheologicheskie vesti. № 11. 2004. 350 – 357.]
- Курбатов 2004:** А. В. Курбатов. Кожевенное производство Твери XIII – XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993 – 1997 гг.). СПб: Петербургское Востоковедение. 2004. [A. V. Kurbatov. Kozhevennoye proizvodstvo Tveri XIII – XV vv. (po materialam raskopok Tverskogo kremlya 1993 – 1997 gg.). SPb: Peterburgskoye Vostokovedeniye. 2004.]
- Курбатов 2006:** А. В. Курбатов. Связи Поволховья с регионами Балтийского моря в VIII – XI вв. по материалам кожевенного ремесла. – В: Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 1. А. Н. Кирпичников (ред.). СПб: ИИМК РАН. 2006. 54 – 71. [A. V. Kurbatov. Svyazi Povolhovyya s regionami Baltiyskogo morya v VIII – XI vv. po materialam kozhevennogo remesla. – V: Ladoga i Ladozhskaya zemlya v epokhu srednevekovyya. Vyp. 1. A. N. Kirpichnikov (red.). SPb: ИИМК РАН. 2006. 54 – 71.]
- Курбатов 2007:** А. В. Курбатов. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле. – В: У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Е. Н. Носов (отв. ред.), А. Е. Мусин (ред.-сост.). СПб: Дмитрий Буланин. 2007. 89 – 133. [A. V. Kurbatov. Novgorodskaya «revolyutsiya XII veka»

i progress v kozhevennom remesle. – V: U istokov russoy gosudarstvennosti. Istoriko-arheologicheskiy sbornik. K 30-letiyu arheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishta i Novgorodskoy oblastnoy arheologicheskoy ekspeditsii. E. N. Nosov (otv.red.), A. E. Musin (red.-sost.). SPb: Dmitriy Bulanin. 2007. 89 – 133.]

Курбатов 2009а: А. В. Курбатов. «Монашеские пояса» и параманды в связи с техническими традициями древнерусского кожевенного ремесла. – Записки ИИМК РАН. № 4. СПб: Дмитрий Буланин. 2009а. 195 – 211. [А. В. Курбатов. «Monasheskie poyasa» i paramanday v svyazi s tehniceskimi traditsiyami drevnerusskogo kozhevennogo remesla. – Zapiski ИМК РАН. № 4. SPb: Dmitriy Bulanin. 2009а. 195 – 211.]

Курбатов 2009б: А. В. Курбатов. Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России. – Stratum plus, № 5 (2005 – 2009). СПб-Кишинев-Одесса-Бухарест. 2009. 284 – 310. [А. В. Курбатов. Instrumentay i prisposobleniya dlya poshiva kozhanayh izdeliy v srednevekovoy Rossii. – Stratum plus, № 5 (2005 – 2009). SPb-Kishinev-Odessa-Buharest. 2009. 284 – 310.]

Курбатов 2010: А. В. Курбатов. О городе Болгар и сорте кожи «болгары». – В: Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. Н. В. Хвоцинса, А. Е. Мусин (ред.-сост.). СПб: Дмитрий Буланин. 2010. 447 – 452. [А. В. Курбатов. O gorode Bolgar i sorte kozhi «bulgari». – V: Dialog kulytur i narodov srednevekovoy Evropy. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya E. N. Nosova. N. V. Hvoshtinsa, A. E. Musin (red.-sost.). SPb: Dmitriy Bulanin. 2010. 447 – 452.]

Курбатов 2012: А. В. Курбатов. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России. – Археологические вести. № 18. 2012. 162 – 173. [А. В. Курбатов. Spornaye voprosay v izuchenii kozhevennogo remesla srednevekovoy Rossii. – Arheologicheskie vesti. № 18. 2012. 162 – 173.]

Курбатов 2015: А. В. Курбатов. Исторические традиции в использовании кожи для письма. – Записки ИИМК. № 11. СПб: Дмитрий Буланин. 2015. 154 – 167. [А. В. Курбатов. Istoricheskie traditsii v ispolzovanii kozhi dlya pisyma. – Zapiski ИМК. № 11. SPb: Dmitriy Bulanin. 2015. 154 – 167.]

Лапшин 2002: В. А. Лапшин. Археологические свидетельства связей Твери с Новгородской землей в XIII – XIV вв. – В: Ладога и её соседи в эпоху средневековья. А. Н. Кирпичников (ред.). СПб: ИИМК РАН. 2002. 59 – 62. [В. А. Lapshin. Arheologicheskie svidetelystva svyazey Tveri s Novgorodskoy zemley v XIII – XIV vv. – V: Ladoga i eyo sosedi v epohu srednevekovyya. A. N. Kirpichnikov (red.). SPb: ИМК РАН. 2002. 59 – 62.]

Лапшин 2009: В. А. Лапшин. Тверь в XIII – XV вв. (по материалам раскопок 1993 – 1997 гг.). – В: Труды ИИМК РАН. Т. XXX. СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 2009. [В. А. Lapshin. Tvery v XIII – XV vv. (po materialam raskopok 1993 – 1997 gg.). – V: Truday ИМК РАН. Т. XXX. SPb: Fakulytet filologii i iskusstv SPbGU. 2009.]

Лапшин 2014: В. А. Лапшин. Место Твери в политической структуре северо-восточной Руси XIII – XV вв.: исторический и археологический аспекты. – В: Культурное наследие Российского государства. Вып. VI, ч. 1. СПб: ИПК «Вести». 2014. 278 – 292. [В. А. Lapshin. Mesto Tveri v politicheskoy strukture

- severo-vostochnoy Rusi XIII – XV vv.: istoricheskiy i arheologicheskiy aspektay. – V: Kulyturnoe nasledie Rossiyskogo gosudarstva. Vaup. VI, ch. 1. SPb: IPK «Vesti». 2014. 278 – 292.]
- Левко, Коваленя 2012:** О. Н. Левко /Ред./, А. А. Коваленя /Ред./. Археологическое наследие Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2012. [О. N. Levko /Red./, А. А. Kovalenya /Red./. Arheologicheskoe nasledie Belarusi. Minsk: Belaruskaya navuka, 2012.]
- Маргулан 1986:** А. Х. Маргулан. Казахское народное прикладное искусство. Т. 1. Алма-Ата: Өнер. 1986. [А. Н. Margulan. Kazahskoe narodnoe prikladnoe iskusstvo. T. 1. Alma-Ata: Өner. 1986.]
- Матехина 2008:** Т. С. Матехина. Археологические находки из «необычной» кожи. – В: Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. В. Л. Янин (ред.). Великий Новгород: НГОМЗ. 2008. 184 – 203. [Т. S. Matchina. Arheologicheskie nahodki iz «neobaychnoy» kozhi. – V: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. Vaup. 22. V. L. Yanin (red.). Velikiy Novgorod: NGOMZ. 2008. 184 – 203.]
- Насырова, Станюкович 2003:** Н. Ш. Насырова, А. К. Станюкович. Кожаные изделия из погребальных памятников русского средневековья. – В: Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Сборник статей. А. К. Станюкович (ред.). Звенигород: Б.и. 2003. 91 – 111. [N. Sh. Nasayrova, A. K. Stanyukovich. Kozhanaye izdeliya iz pogrebalynayh pamyatnikov russkogo srednevekovyua. – V: Problemay kompleksnogo izucheniya tserkovnayh i monastayrskih nekropoley. Sbornik statey. A. K. Stanyukovich (red.). Zvenigorod: B.i. 2003. 91 – 111.]
- Никольский 1907:** протоиерей К. Никольский. Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. Издание 7-е. СПб: Синодальная тип. 1907. [protoierey K. Nikolyskiy. Posobie k izucheniyu Ustava bogosluzheniya pravoslavnoy tserkvi. Izdanie 7-e. SPb: Sinodalynaya tip. 1907.]
- Осипов 2010:** Д. О. Осипов. К вопросу о дате разделения кожевного и сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве). – В: Археология Подмосковья. Вып. 6. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. 2010. 206 – 218. [D. O. Osipov. K voprosu o date razdeleniya kozhevnoy i sapozhnogo remesel (analiz materialov raskopok v Novgorode Velikom i Moskve). – V: Arheologiya Podmoskovyua. Vaup. 6. Materialay nauchnogo seminar. M.: IA RAN. 2010. 206 – 218.]
- Осипов 2012:** Д. О. Осипов. Кожаная обувь из погребений Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора. – Российская археология. № 1. 2012. 143 – 151. [D. O. Osipov. Kozhanaya obuvy iz pogrebeniy Martiryevskoy paperti Novgorodskogo Sofiyского sobora. – Rossiyskaya arheologiya. № 1. 2012. 143 – 151.]
- Осипов 2014:** Д. О. Осипов. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН». 2014. [D. O. Osipov. Srednevekovaya obuvy i drugie izdeliya iz kozhi (po materialam raskopok v Moskovskom Kremle). M.: ООО «Izdatelyskiy dom «AKTEON». 2014.]
- Осипов 2015:** Д. О. Осипов. Результаты и перспективы исследования кожевенно-сапожного ремесла в России. – В: Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.

- А. Макарова. М.; Вологда: «Древности Севера». 2015. 247 – 255. [D. O. Osipov. Rezulytatay i perspektivay issledovaniya kozhevenno-sapozhnogo remesla v Rossii. – V: Goroda i vesi srednevekovoy Rusi. Arheologiya, istoriya, kulytura. K 60-letiyu N. A. Makarova. M.; Vologda: «Drevnosti Severa». 2015. 247 – 255.]
- Панова 1999:** Т. Д. Панова. Данные археологии об атрибутике русского монашества периода средневековья (XI – XVI века). – Искусство христианского мира. Вып. 3. М. 1999. 144 – 151. [T. D. Panova. Dannaye arheologii ob atributike russkogo monashestva perioda srednevekovyua (XI – XVI veka). – Iskusstvo hristianskogo mira. Vayr. 3. M. 1999. 144 – 151.]
- Панова 2003:** Т. Д. Панова. Кремлевская усыпальница. История, судьба, тайна. М.: Индрик. 2003. [T. D. Panova. Kremlevskaya usaupalynitsa. Istoriya, sudyba, tayna. M.: Indrik. 2003.]
- Панова 2004:** Т. Д. Панова. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI – XVI веков. М.: Радунца. 2004. [T. D. Panova. Tsarstvo smerti. Pogrebalynayu obryad srednevekovoy Rusi XI – XVI vekov. M.: Radunitsa. 2004.]
- Панова 2015:** Т. Д. Панова. Начальный этап формирования усыпальницы Вознесенского собора Московского Кремля (XV век). – В: Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда: Древности Севера. 2015. 375 – 389. [T. D. Panova. Nachalynayu etap formirovaniya usaupalynitsay Voznesenskogo sobora Moskovskogo Kremlya (XV vek). – V: Goroda i vesi srednevekovoy Rusi. Arheologiya, istoriya, kulytura. K 60-letiyu N. A. Makarova. M.; Vologda: Drevnosti Severa. 2015. 375 – 389.]
- Петров 1915:** Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Императорской Киевской духовной академии. Вып. III: Южно-русские иконы. Киев: Тип. С. В. Кульженко. 1915. [N. I. Petrov. Alybom dostoprimechatelnostey Tserkovno-arheologicheskogo muzeya pri Imperatorskoy Kievskoy duhovnoy akademii. Vayr. III: Yuzhno-russkie ikonay. Kiev: Tip. S. V. Kulyzhenko. 1915.]
- Поварнин 1912:** Г. Г. Поварнин. Очерки мелкого кожевного производства в России. Ч. 1. История и техника производства. СПб: тип. В. Ф. Киршбаума. 1912. [G. G. Povarnin. Ocherki melkogo kozhevnogo proizvodstva v Rossii. Ch. 1. Istoriya i tehnika proizvodstva. SPb: tip. V. F. Kirshbauma. 1912.]
- Минаев, Магидович 1956:** И. П. Минаев (пер.), И. П. Магидович (ред.). «Книга» Марко Поло. М.: Географгиз. 1956. [I. P. Minaev (per.), I. P. Magidovich (red.). «Kniga» Marko Polo. M.: Geografgiz. 1956.]
- Попова (Царькова) 1987:** Л. А. Попова. (Царькова) Исследования в Твери. – В: Археологические открытия 1985 г. В. П. Шилов (отв. ред.). М.: Наука. 1987. 92 – 93. [L. A. Popova. (Tsarykova) Issledovaniya v Tveri. – V: Arheologicheskie otraytiya 1985 g. V. P. Shilov (otv. red.). M.: Nauka. 1987. 92 – 93.]
- Пуцко 2011:** В. Г. Пуцко. Кожаные пояса с тисненными изображениями из монашеских захоронений средневековой Руси. – В: Русский сборник. Вып. 6. Е. А. Шинаков, А. А. Чубур (ред.). Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. ун-та. Вып. 20. Брянск: Курсив. 2011. 60 – 66. [V. G. Putsko. Kozhanaye poyasa s tisnenaymi izobrazheniyami iz

- monasheskih zahoroneniy srednevekovoy Rusi. – V: Russkiy sbornik. Vaup. 6. E. A. Shinakov, A. A. Chubur (red.). Truday kafedray otechestvennoy istorii drevnosti i srednevekovyya Bryanskogo gos. un-ta. Vaup.20. Bryansk: Kursiv. 2011. 60 – 66.]
- Пушкина 1999:** В. З. Пушкина. Кожа. Практическое руководство. М.: Культура и традиции. 1999. [V. Z. Pushkina. Kozha. Prakticheskoe rukovodstvo. M.: Kulytura i traditsii. 1999.]
- Рабинович 1964:** М. Г. Рабинович. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI – XVI вв. М.: Наука. 1964. [M. G. Rabinovich. O drevney Moskve. Ocherki materialnoy kulyturay i bayta gorozhan v XI – XVI vv. M.: Nauka. 1964.]
- Рындина 1996:** Н. В. Рындина. Новгородское серебряное дело XIII – XV вв. – В: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI – XV вв. И. А. Стерлигова (ред.-сост.). М.: Наука. 1996. 69 – 282. [N. V. Rayndina. Novgorodskoe serebryanoe delo XIII – XV vv. – V: Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda. Hudozhestvennaya metall XI – XV vv. I. A. Sterligova (red.-sost.). M.: Nauka. 1996. 69 – 282.]
- Седова 1996:** М. В. Седова. Изделия новгородских ремесленников-ювелиров X – XV вв. (по данным археологии). – В: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI – XV века. И. А. Стерлигова (ред.-сост.). М.: Наука. 1996. 414 – 446. [M. V. Sedova. Izdeliya novgorodskih remeslennikov-yuvelirov X – XV vv. (po dannaym arheologii). – V: Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda. Hudozhestvennaya metall XI – XV veka. I. A. Sterligova (red.-sost.). M.: Nauka. 1996. 414 – 446.]
- Смирнова 1992:** О. И. Смирнова (ред.). Словарь русского языка XI – XVII вв. М.: Наука. Вып. 18 (Потка – Преначальный). М.: Наука. 1992. [O. I. Smirnova (red.). Slovary russkogo yazyuka XI – XVII vv. M.: Nauka. Vaup. 18 (Potka – Prenachalynauu). M.: Nauka. 1992.]
- Снегирев 1842 – 1845:** И. Снегирев. Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М.: Август Семен. 1842 – 1845. [I. Snegirev. Pamyatniki moskovskoy drevnosti s prisovokupleniem ocherka monumentalnoy istorii Moskvay i drevnih vidov i planov drevney stolitsay. M.: Avgust Semen. 1842 – 1845.]
- Станюкович 2003:** А. К. Станюкович. Основные проблемы церковной археологии на современном этапе. – В: Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Сборник статей. А. К. Станюкович (ред.). Звенигород: Б.и. 2003. 10 – 27. [A. K. Stanyukovich. Osnovnaye problemay tserkovnoy arheologii na sovremennom etape. – V: Problemay kompleksnogo izucheniya tserkovnayh i monastayrskih nekropoley. Sbornik statey. A. K. Stanyukovich (red.). Zvenigorod: B.i. 2003. 10 – 27.]
- Тарасенко 1957:** В. Р. Тарасенко. Древний Минск. – В: Материалы по археологии БССР: сборник статей. Е. И. Корнейчук, К. М. Поликарпович (ред.). Т. 1. Минск. 1957. 182 – 257. [V. R. Tarasenko. Drevniy Minsk. – V: Materialay po arheologii BSSR: sbornik statey. E. I. Korneychuk, K. M. Polikarpovich (red.). T. 1. Minsk. 1957. 182 – 257.]
- Тошачова 1974:** Е. И. Тошачова. К вопросу о кожаных сосудах у южных алтайцев. – В: Древняя Сибирь. Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. В. Е. Ларичев (отв.ред.). Новосибирск: Наука,

- Сиб. отделение. 1974. 314 – 318. [E. I. Toshtakova. K voprosu o kozhanayh sosudah u yuzhnayh altaytsev. – V: Drevnyaya Sibiry. Vayr. 4: Bronzovayu i zheleznyayu vek Sibiri. V. E. Larichev (otv. red.). Novosibirsk: Nauka, Sib. otdelenie. 1974. 314 – 318.]
- Ханенко, Ханенко 1902:** Б. Н. Ханенко, В. И. Ханенко. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Вып. VI. Киев: тип. С. В. Кульженко. 1902. [B. N. Hanenko, V. I. Hanenko. Drevnosti Pridneprovyya i poberezhyya Chernogo morya. Vayr. VI. Kiev: tip. S. V. Kulyzhenko. 1902.]
- Чокоев 2008:** И. Чокоев. Археологически дани за монашеско облекло от «Боярската църква» в Плиска. – В: Християнската култура в средновековна България. Отг. ред. Павел Георгиев. Велико Търново: Фабер. 2008. 289 – 299. [I. Chokoev. Arheologicheski dani za monashesko obleklo ot «Bolyarskata tsarkva» v Pliska. – V: Hristiyanskata kultura v srednovekovna Balgariya. Otg. red. Pavel Georgiev. Veliko Tarnovo: Faber. 2008. 289 – 299.]
- Штыхов 1963:** Г. В. Штыхов. Опыт исследования древнеполоцкой кожи. – Советская археология. № 4. 1963. 240 – 246. [G. V. Shtayhov. Opyt issledovaniya drevnepolotskoy kozhi. – Sovetskaya arheologiya. № 4. 1963. 240 – 246.]
- Штыхов и др. 1988:** Г. В. Штыхов, Ю. А. Заяц, З. С. Поздняк. Исследования в Минске и его округе. – Археологические открытия 1986 г. В.П.Шилов (отв.ред.). М.: Наука. 1988. 386 – 389. [G. V. Shtayhov, Yu. A. Zayats, Z. S. Pozdnyak. Issledovaniya v Minske i ego okruge. – Arheologicheskie otkraytiya 1986 g. V.P.Shilov (otv.red.). M.: Nauka. 1988. 386 – 389.]
- Штыхау 1989:** Г. В. Штыхау. Выраб старабеларускай дробнай пластыкі. – В: Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Новыя даследаванні. Зборнік артыкулаў. С. В. Марцэлеў (ред.). Мінск: Навука і тэхніка. 1989. 172 – 174. [G. V. Shtayhau. Vayrab starabelaruskay drobnay plastayki. – V: Pomniki mastatskay kulyturay Belarusi. Novayya dasledavanni. Zbornik artaykulaŭ. S. V. Martseleŭ (red.). Minsk: Navuka i tehnika. 1989. 172 – 174.]
- Янин 1988:** В. Л. Янин. Некрополь Новгородского Софийского собора. М.: Наука. 1988. [V. L. Yanin. Nekropolny Novgorodskogo Sofiyского sobora. M.: Nauka. 1988.]
- Янин и др. 1983:** В. Л. Янин, Б. А. Колчин, Б. Д. Ершевский, Е. А. Рыбина, А. С. Хорошев. Новгородская экспедиция. – Археологические открытия 1981 г. Б. А. Рыбаков (отв. ред.). М.: Наука. 1983. 43 – 46. [V. L. Yanin, B. A. Kolchin, B. D. Ershevskiy, E. A. Raybina, A. S. Horoshev. Novgorodskaya ekspeditsiya. – Arheologicheskie otkraytiya 1981 g. B. A. Raybakov (otv. red.). M.: Nauka. 1983. 43 – 46.]
- Янин, Зализняк 1993:** В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984 – 1989 гг.). М.: Наука. 1993. [V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak. Novgorodskie gramotay na bereste (iz raskopok 1984 – 1989 gg.). M.: Nauka. 1993.]
- Янин, Зализняк 2000:** В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990 – 1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Т. X. М.: Русские словари. 2000. [V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak. Novgorodskie gramotay na bereste (iz raskopok 1990 – 1996 gg.). Paleografiya berestyanyh gramot i ih vnestratigraficheskoe datirovanie. T. X. M.: Russkie slovari. 2000.]

Ewans, Wixon 1997: Ewans H.C., Wixon W.D. (Eds.) *The Glory of Byzantium Art and culture of the Middle Byzantiw Era. A.D. 843 – 1261.* New York: Metropolitan Museum of Art, H.N. Adams. 1997.

Russell 1940: Russell J. *English medieval leathework.* – *Archaeological Journal.* T. XCVI (1939). London. 1940. 130 – 141.

Ryder 1966: Ryder M.L. *Can One Cook in a Skin?* – *Antiquity.* Vol. XL (159). 1966. 225 – 227.

Samariter et al. 2003: Samariter R., Igel K., Schäfer H. *Ein cuir-bouilli-Becher und die Patrizierfamilie Lowe.* *Archäologische und historische Forschungen zu einem Quartier am Greifswalder Hafen.* – In: *Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern.* Schwerin. Jahrbuch 2002. Band 50. Lübstorf. 2003. 173 – 206.

Waterer 1957: Waterer J.W. *Leather.* – In: *A history of technology.* C.Singer, E.J.Holmyard, A.R.Hall, T.I. Wiliams (eds.). Vol. 2. Oxford: Clarendon Press. 1957. 147 – 187.

Wołoszyn 2001: Wołoszyn M. *Archeologiczne zabytki sakralne pochodzenia wschodniego w Polsce od X do połowy XIII wieku (wybrane przykłady).* – In: *Cerkiew–wielka tajemnica.* Gniezno: Muzeum Początków Państwa Polskiego w Gnieźnie. 2001. 25 – 45.

Список сокращений (Abbreviations)

ДРГ 1849: Древности Российского государства. Отд. I: Святые иконы, кресты, утварь храмовая и облачения сана духовного. Рис. ак. Ф. Солнцева. М.: хромолит. Ф.Дрегера. 1849.

Известия ИАК 1902: Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 3. СПб. 1902.

Курбатов Александр Валентинович, д.и.н.,

Институт истории материальной культуры –
Российская академия наук,
Отдел славяно-финской археологии,
Санкт Петербург, Россия,
alkurba@rambler.ru

Рис. 1. Монашеские кожаные пояса из Смоленска (по: Петров 1915. Рис. 7)

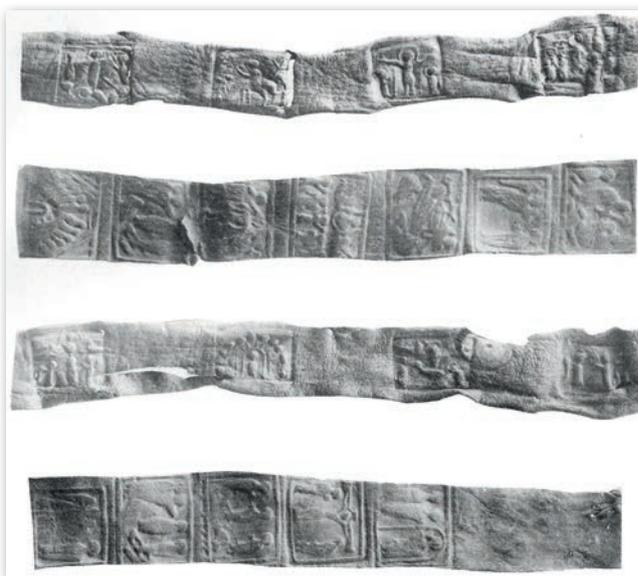

Рис. 2. Фрагменты монашеских кожаных поясов из погребений 4 и 7 Георгиевского мсбора Юрьева монастыря, Великий Новгород. Раскопки М.К.Каргера. ФО НА ИИМК РАН, О 1084. 17, III 4833

Рис. 3. Крест из кожаных шнуров от монашеского аналава из погребения княгини Ефросиньи (погребение 7). Георгиевский собор Юрьева монастыря, Великий Новгород. Раскопки М.К.Каргера. 1933 г. ФО НА ИИМК РАН, О. 1084. 19, III 4835

Рис. 4. Монашеские кожаный пояс и параман из погребения в церкви Спаса на Бору, Московский Кремль. Находка 1836 г. (по: Древности Российской Государства, 1849. № 107)

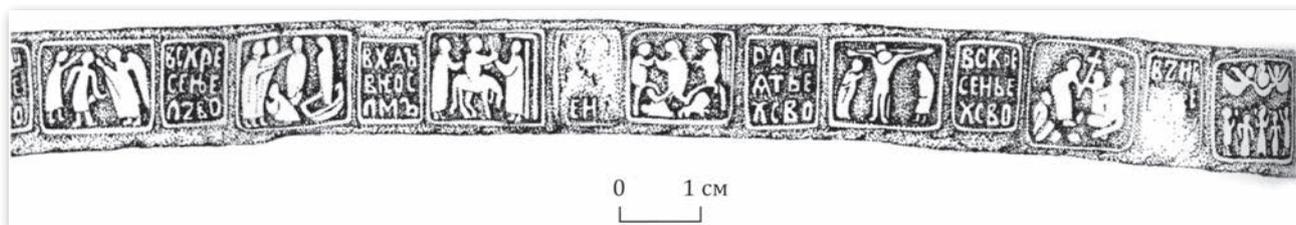

Рис. 5. Монашеский кожаный пояс княгини Евдокии, вдовы князя Дмитрия Донского († 1407). Прорисовка изображений О.В. Орфинской (по: Панова 2015, рис. 11)

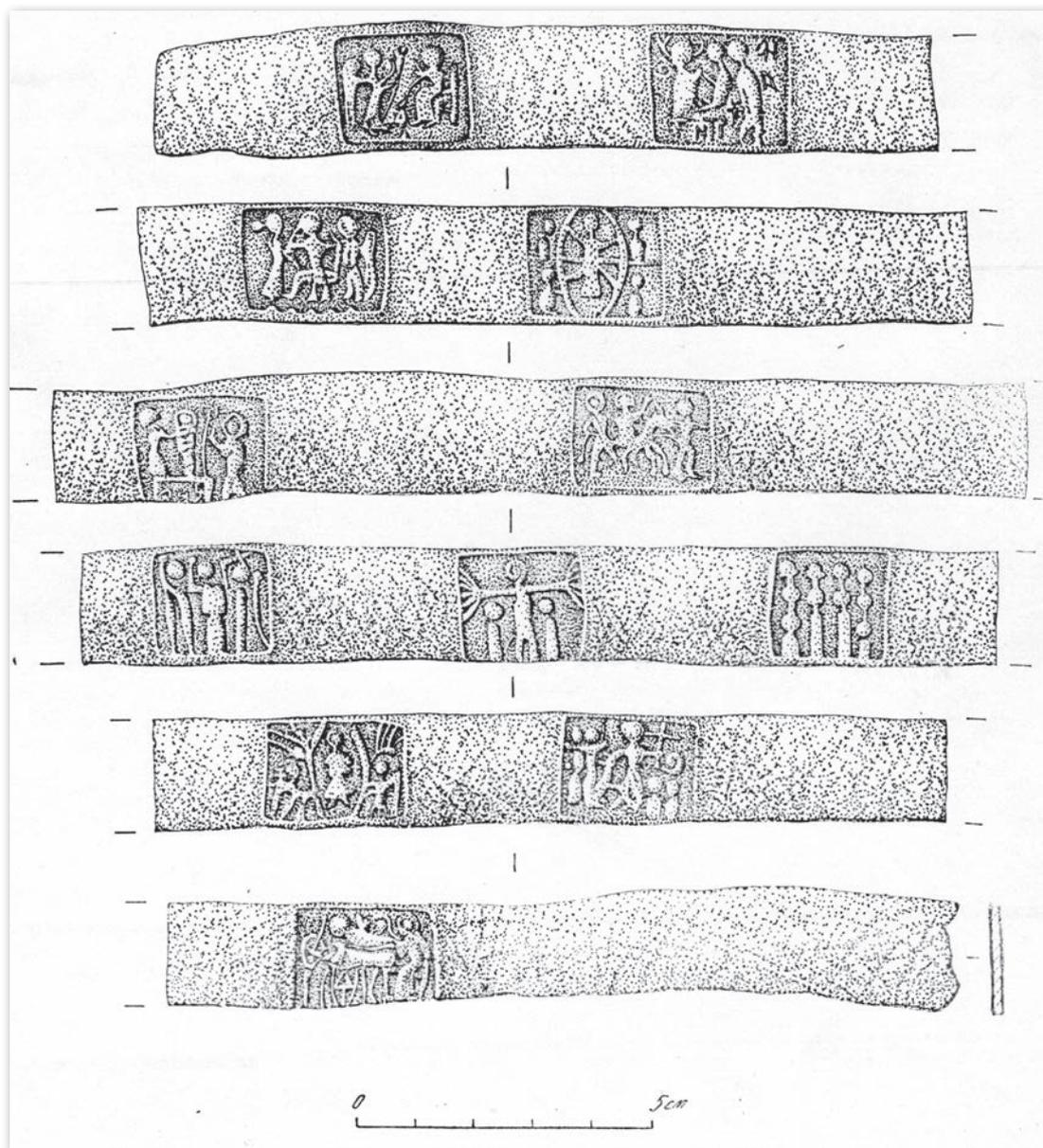

Рис. 6. Монашеский кожаный пояс из Тверского кремля. Раскопки Л.А.Поповой, 1985 г. Фонды Тверского государственного объединенного музея

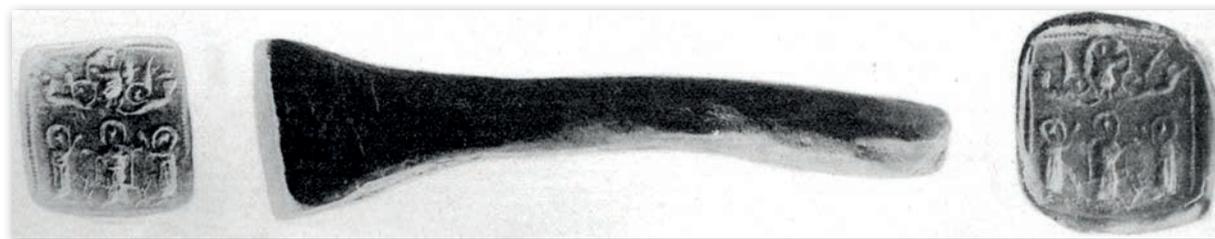

Рис. 7. Матрица для тиснения монашеских кожаных поясов с изображением Вознесения, Вышгород (Киевская область, Украина). (по: Петров 1915. Рис. 8)

Рис. 8. Матрица для тиснения. XIV – XV в. Великий посад, Полоцк, Белоруссия. Бронза, литье. 2.1 x 2.0 x 1.2 см. Раскопки С.В.Тарасова 1987 г. Фонды Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. (по: Левко, Коваленя 2012. Рис. на с. 186)

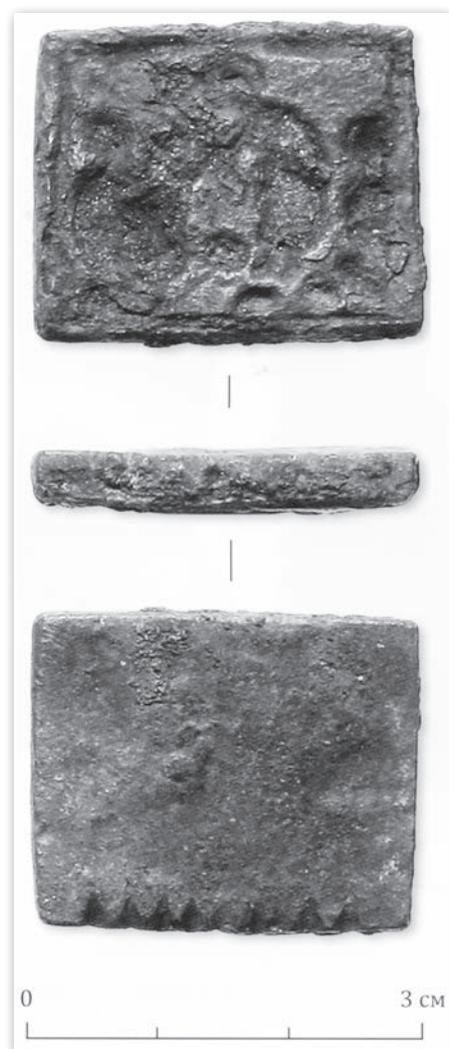

Рис. 9. Матрица с изображением сцены «Сошествие во ад». XV в. Бронза, литье. Московский Кремль. Раскопки 2007 г. (по: Осипов 2015. Рис. 4)

Рис. 10. Матрица для тиснения. XIV – XV вв. Случайная находка. Бронза. Гродек Надбужский, повет Хрубешов, Люблинское воеводство, Польша. Фонды Музея им. Ксендза Ст. Сташица в г. Хрубешов, Польша. (по: Wołoszyn 2001. Cat. I, 58)

Рис. 11. Матрица с изображением сцены «Вход в Иерусалим». XV в. Кость, резьба. 3.8 x 4.5 см. Кировский раскоп, Великий Новгород. 1971 г. Фонды Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. (по: Колчин и др. 1985. № 174)

Рис. 12. Кубик-матрица с евангельскими сюжетами. Кость. Рубеж XVI – XVII вв. Минск. Раскопки Г.В.Штыхова 1986 г. (по: Левко, Коваленя 2012. Рис. на с. 155)

Рис. 13. Резная иконка с изображениями двенадцатых праздников. Кость. XV – XVI вв. (по: Ханенко, Ханенко 1902. Табл. XXXVI: 1222)

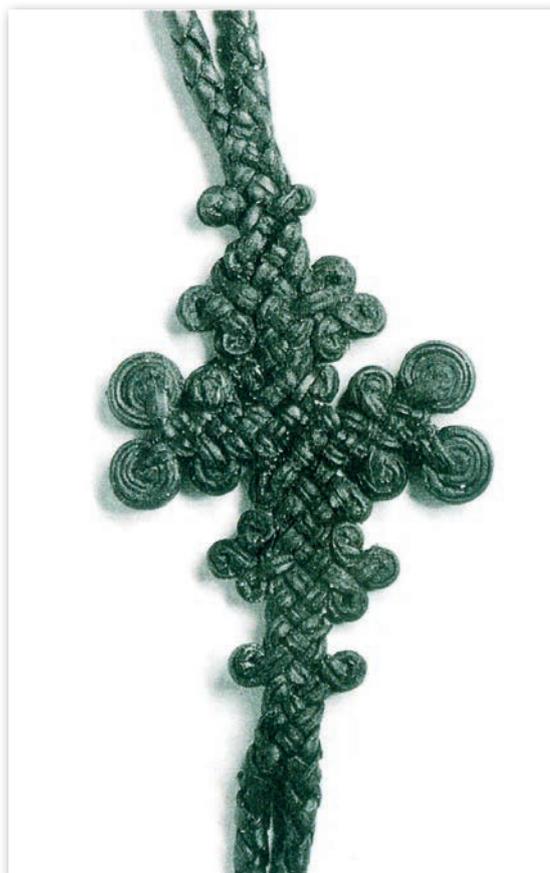

Рис. 14. Кожаный крестик от монашеского аналава. XIV в. Москва. (по: Панова 2004. Рис. 56:б)

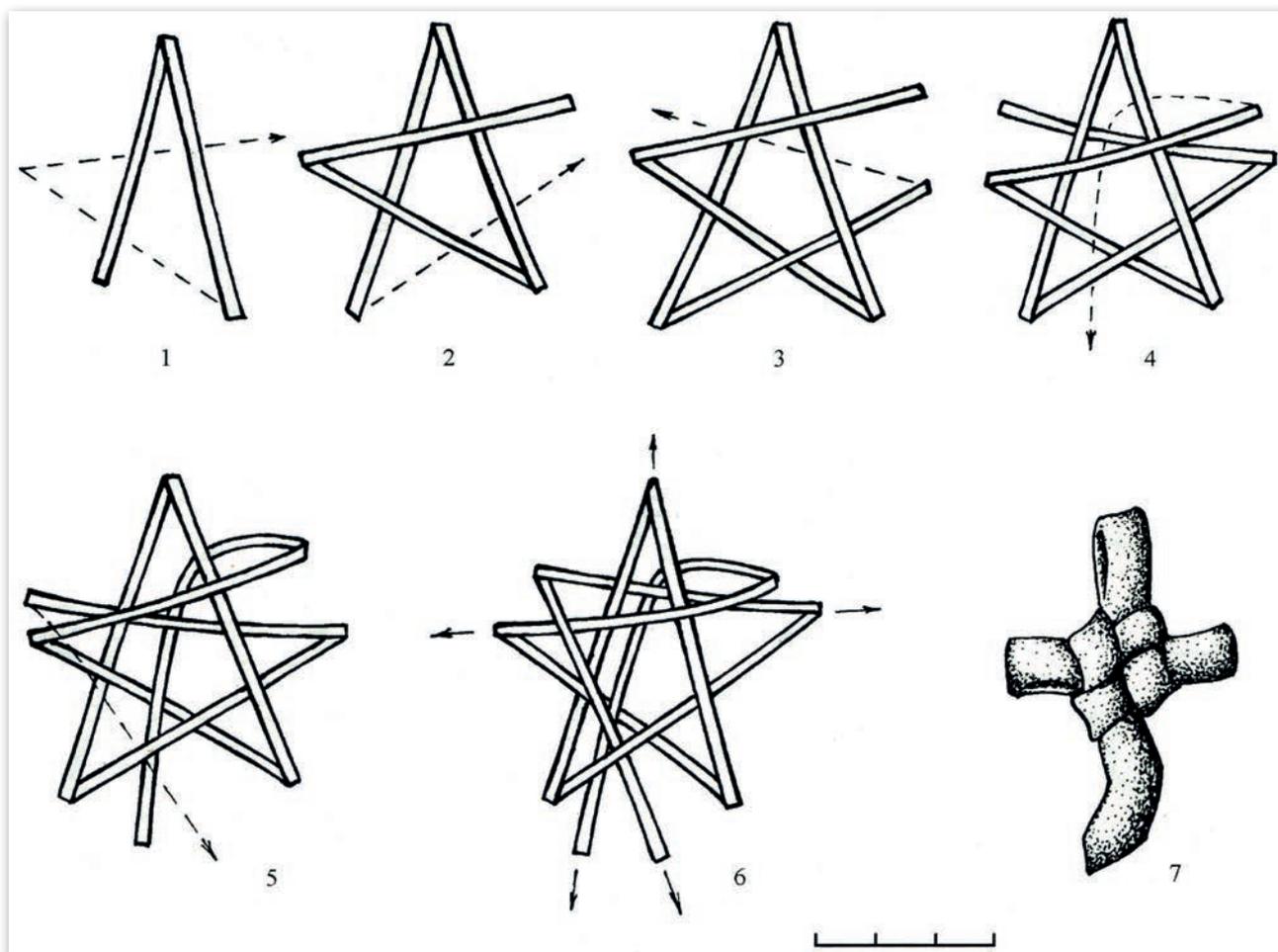

Рис. 15. Реконструкция плетения кожаного креста-тельника из Витебска. XIII в.
(по: Башков 2011. Рис. 21)

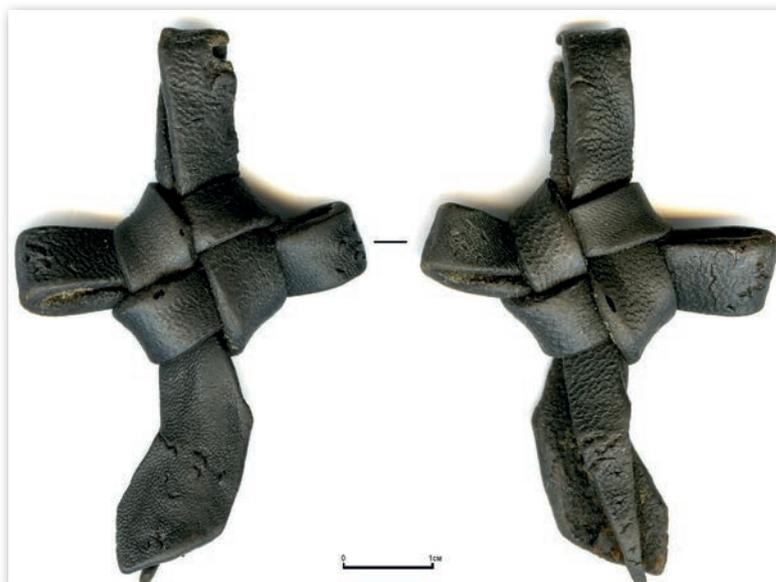

Рис. 16. Кожаный крестик. Витебск.
Раскопки Л.В.Колединского 1978 г.
(по: Бялова 2009)

МОНАШЕСКИ КОЛАНИ С ПЕЧАТИ И МАТРИЦИ ЗА ТЯХНОТО ЩАМПОВАНЕ В СРЕДНОВЕКОВНА РУС

Александър Курбатов

Резюме: Щамповането е един от най-трудните начини за декориране на повърхността на кожата. Има два основни начина за щамповане на кожа, установени във времето – механичен и термичен. Анализът на източниците за декоративно щамповане на кожа в средновековна Рус, в страните от Западна Европа и в цяла Евразия води до заключението, че кожешите „монашески колани“ и параманди (апликации с кръст за монашески дрехи) с отличителни белези са малко на брой на фона на древните руски кожени занаяти и са изключителни по техника на производство. Рядкостта и селективността на прилагането на висококачествена декорация предполага, че първоначално е била използвана само в един или два центъра. За XI – XIII век центърът на производство на «монашески колани» може да бъде един от манастирите на Киев. Най-ранните форми на печати – кръгли, пренесени от България, се срещат само в предмонголските погребения в Русия – в Новгород и Переяславъл. Трябва да се има предвид, че заимстването на техниките за студено и горещо щамповане в Южна Рус идва директно от Византия или през България. В същото време остава необяснима липсата на кръгли белези върху коланите в киевските пещери.

Вероятно, към 14 век следва да се отнесе по-широкото разпространение в Рус на техниката на горещо щамповане на изображения върху кожата. Основания за това дават находката на колана в Тверския Кремъл, костните матрици в Новгород и Минск и бронзовите матрици в Североизточна Рус. В историческия контекст на средновековна Рус втората половина на XIII – първата половина на XIV век се явява етап от развитието на нови териториални центрове. В политически план могат да се видят едновременно опити за издигане на трите княжества на Североизточна Рус, претендиращи за „великото царуване“, със столици в Твер, Москва и Нижни Новгород. Прехвърлянето на такова специално производство като горещото щамповане върху кожа от Южна Рус в различни руски княжества трябва да бъде придружено от увеличаване на броя на опитни майстори кожари, които познават техниката на горещо щамповане, която вече е свързана с градските селища и не се ограничава само в манастирите.

Проучването на кожени изделия от различни времена в много руски градове ни позволява да заключим, че дори през 16 – 17 век техниката на щамповане с метални матрици с помощта на горещо масло или восък се използва от ограничен кръг занаятчии и само за декоративна обработка на кожени подвързии на книги.